

ЕЛЕНА СУ

Пещера Восходящего Солнца

ПОВЕСТЬ

Елена Су

Пещера Восходящего Солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11899219

ISBN 9785447424206

Аннотация

Компания друзей отправляется в заповедник в Крымских горах, чтобы покорить вершину Роман-Кош. Несмотря на запрет, ребята проникают на закрытую территорию и сталкиваются со смертельно грозящей им опасностью. Обычный поход превращается в вереницу серьезных испытаний. Каждый герой проходит свой путь. Никто не останется прежним...

Содержание

Часть I. Знакомство	5
Вика	9
Боля и Лёля	33
Цаца	38
Кнопка	43
Паша и Жанна	53
Антон	61
Макс	82
Часть II. Поход	95
День 1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Пещера Восходящего Солнца Повесть Елена Су

Памяти Эдика Демченко

© Елена Су, 2015

Редактор Н. В. Морозова

Корректор Н. В. Морозова

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

*Что Цаца сняла на фотоаппарат? Если это что-то необычное, почему не сказала нам, когда вернулась? Да, мы с Пашей раздражали ее своими поцелуями, но если бы случилось что-то серьезное, она обязательно сказала бы нам. И этот мальчик... Его убили? Когда нас привезли в ангар, были слышны выстрелы. А что с остальными ребятами? Что будет с нами? Лысый сказал: «Как обычно, со скалы...»
О боже...*

Часть I. Знакомство

Погода сошла с ума. Немыслимо, чтобы в последний день сентября было так холодно и сыро в этом южном городке. Прибытие поезда «Москва – Симферополь» объявили минут десять назад, но Вика все еще носилась по платформе, заглядывая в окна вагонов, периодически возвращаясь к началу состава. После всех этих безумных походных сборов из головы напрочь вылетел номер вагона, в котором ехали ее друзья, а ведь билеты для них она сама покупала. Пробегая мимо очередного вагона, она силилась вспомнить, хотя бы примерно, цифры из билетных бланков. В голове только псевдологично звучало: «Третий или седьмой? Девятый? Нет, ну, максимум двенадцатый». Именно по этой причине она не добегала до хвоста поезда и возвращалась снова, не переставая вглядываться в редких пассажиров с рюкзаками, выходящих из вагонов. Те, подпрыгивая на ходу, держась за ляжки, пытались как можно более удобно усадить рюкзаки на плечи. Платформа опустела. И вдалеке Вика увидела своих рядом с кучей разноцветных рюкзаков и пакетов. Все махали руками и призывно кричали, Вика прибавила скорости. Вагон оказался семнадцатым, предпоследним в составе.

– Ну ты даешь! Чего так долго? – с деланным возмущением и широкой улыбкой выкрикнула Цаца – красотка с пыш-

ной гривой золотистых волос, и тут же театрально раскрыла объятия. Вика с разбега плюхнулась в них.

– Мы уж думали, что о нас забыли! – продолжала она, передавая Вику в следующие объятия. – Где новенькие?

– У фонтана, на рюкзаках, – чмокнув последнего, ответила Вика.

– Цаца нам все уши прожужжала, что пойдут еще двое ребят, и ей безумно интересно с ними познакомиться, – сказал Боля – высокий молодой человек с римским профилем и карими глазами.

– Хорош заливать! – Цаца слегка стукнула его в живот.

Боля тут же согнулся и застонал, изображая на лице силу «мощнейшего» удара.

– Да, я такая! – Цаца, с гордо поднятой головой и хитрыми улыбающимися глазами, подлетела к красному рюкзаку, рванула его на колено, затем мастерски вскинула на спину. – Вперед, *лопушары*, нечего рассиживаться! – и быстро, с подскоком, направилась в сторону вокзала.

Вика подошла к Лёле:

– Как настроение?

– Хорошо, что я не одна такая буду, есть еще новички. Но Цаца, конечно, меня пугала как могла целые сутки, – с мягкой улыбкой ответила Лёля и посмотрела на брата. Боля помог ей надеть рюкзак и заботливо поправил лямки.

– Вика, а что с погодой? Порадуешь местным прогнозом? – голос сзади принадлежал Паше, блондину с голубыми глазами. Шея его была обмотана сине-белым шарфом с символикой известной футбольной команды. – Я хочу как в прошлый раз. Солнце, солнце, солнце... И, пожалуй, еще раз солнце!

– Чуда не будет, – Вика сразу посерьезнела. – Кстати, надо еще раз в связи с этим обсудить маршрут.

– Обсудим, – с готовностью отозвался Паша. И уже с улыбкой сказал: – Не волнуйся.

– Кстати, не знала, что ты футбольный фанат, – тоже с улыбкой сказала Вика, на ходу рассматривая шарф.

– Я? Нет! – со смехом выпалил Паша. – Друзья пригласили на матч, чисто случайно попал. Хорошо погуляли, я еще под

впечатлением.

– А что у вас со *снарягой*?

– Мы купили термобелье¹, – пропищала тоненько Жанна, прижимаясь к Паше. При этом ее распахнутые, наивные изумрудные глаза светились почти счастьем. И как для подтверждения своих эмоций:

– Это хорошо, да, Пашенька? – вместо ответа он нежно погладил ее по руке.

– А как же я? – Вика обернулась на родной дружеский голос. – Маленького человека совсем забыли!

– Да гореть мне в огне! – со смехом Вика подхватила два увесистых пакета с едой и взяла под руку Кнопку, миниатюрную девушку с чёрными как смоль волосами и идеальным каре.

---

¹ Термобелье – важный элемент экипировки спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта. Основная функция – сохранять тело сухим, отводя с его поверхности пот..

Вика

Род Сусаниных, лицо единственное, или Индеец и все, все, все...

К этому походу Вика готовилась особенно тщательно.

Семь лет назад она, можно сказать, случайно попала в горы. В то лето от отпуска оставалась еще неделя. Но Вика совершенно не представляла как ее использовать. Да и желания особого не было. Разрыв отношений с любимым человеком, полный внутренний разлад и бессилие. От природы целеустремленная и оптимистичная, она не знала что делать. Любая мысль, касающаяся изменений, действий, сначала вспыхивала спасительным маяком, а затем неизменно рассыпалась и развеивалась. Такие «качели» истощали еще больше. Она уже подумывала выйти на работу – своего рода анестезия от реальности. А банк, в котором Вика работала экономистом, вполне мог претендовать на максимальное заполнение мыслей и основного времени существования. Да, жизнью это не назвать, даже с большой натяжкой. Цифры, люди, ответственность... Она любила свою работу, любила экономику и хорошо разбиралась в ней. Но постепенно то, что окружало, оправа, которая неизменно присуща должности финансового консультанта известного банка, рождало какую-то внутреннюю усталость, не то чтобы от людей, нет,

скорее от игр, бизнес-игр с подковерными интригами, подсиживанием, манипулированием и самоутверждением.

Какое-то время удавалось обманывать себя утверждая, что можно прекрасно существовать в любой организации и не принимать участия в жизни офисного планктона. Реальность наваливалась постепенно, силы оказались не равны и иллюзии уступили место правде жизни. Оставалось либо принять правила игры и стараться в этом преуспеть, либо уйти, и не просто из этого банка, а вообще из сферы бизнеса. Ни к первому, ни ко второму Вика не была готова. И получилось, что она зависла между двумя решениями. А время шло, накапливая с каждым рабочим днем тягучую неудовлетворенность.

И горы стали отдушиной, огромным ресурсом. Не то чтобы Вика стремилась к такому виду отдыха (или спорта?). Но в детстве ей мечталось о путешествиях и приключениях. В шестилетнем возрасте она представляла, как к корзине из бересты, которая стояла на кухне и использовалась мамой для хранения картошки, привязать воздушные шарик и полететь куда-то далеко-далеко.... Одной это делать не интересно, поэтому предполагалось, что её подружка из соседнего подъезда летит вместе с ней, захватив с собой вкуснейшие пирожки с вишней, которые пекла ее мама.

Вика родилась в небольшом украинском шахтерском городке под Донецком. Однажды на школьных каникулах всем классом поехали в Москву. Вика влюбилась в этот город сра-

зу, окончательно и бесповоротно. Когда пришло время поступать в институт, с родителями состоялся непростой разговор, касающийся её желания учиться в российской столице. Родители переживали за дочь – она ведь будет так далеко от них; но, когда увидели ее глаза полные слез и мольбы, решились отпустить. Вика скучала по дому и старалась как можно чаще приезжать в гости.

Среднего роста, поджарая, спортивная, с неизменной длинной косой и чуть сутулящаяся от рано появившейся груди, которую она старалась поначалу скрывать, сводя плечи чуть вперед. Когда Вика испытывала острый интерес или удивление, взгляд ее серых глаз становился совсем детским, открытым, что сразу смягчало строгие черты лица. Когда она улыбалась, то обычно опускала глаза и ее щеки немного розовели. В повседневной жизни сдержанная и серьезная, с друзьями она превращалась в теплое солнышко. Много-словия ей это не добавляло, но она с удовольствием слушала их истории и наслаждалась их обществом. Встречи, всегда шумные и веселые, оставляли у Вики ощущение долгого послевкусия неподдельного счастья. Такое отношение к друзьям, таким разным и одинаково дорогим ее сердцу, переда-лось Вике от родителей. Они поженились очень рано, много путешествовали, глубоко любили природу, и двери их дома всегда были открыты для друзей и близких.

По электронной почте пришло письмо – спам. ... Туристическая организация объявляла о наборе группы для похода в горы. Уровень сложности – нулевой – для начинающих. Снаряжение (рюкзак, пенка² и спальник) предоставляется. Вика обычно удаляла все *левые* рассылки, даже не открывая их. А тут все получилось как-то само собой. И дальше, по наитию, забила в поисковике «горный туризм», чтобы узнать больше, и с огромным интересом окунулась в новую для нее сферу, к которой ее так неудержимо потянуло. После двухчасового просмотра сайтов стало понятно, что в поход она пойдет однозначно, оставалось выбрать подходящую дату.

Первый поход был непростым. Нагрузка оказалась на грани ее возможностей. Из-за этого вечером она не могла есть – пропускала все ужины, организм как будто перешел на внутреннее питание. Со сном тоже были сложности. Она или отключалась моментально, пока все ужинали, или только под утро, так и не справившись с возбуждением от впечатлений прожитого дня. А впечатлиться было от чего. Природа... Крым... Горы... И сейчас эти слова произносятся на выдохе с блаженной улыбкой. Как-то сразу стали близки и понятны зазвучавшие по-другому строки:

---

² Пенка (жарг.) – туристический коврик из пенополиэтилена. Защищает от влаги и холода.

Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли
Таких красот и чудес

***

Весь мир на ладони!
Ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем —
Другим,
У которых вершина еще впереди³

Несмотря на то что на пятый день похода они заблудились, а может даже и благодаря этому, и пришлось спускаться к морю по скалистой горе без страховки целых семь часов, горные путешествия навсегда вошли в жизнь Вики. А вскоре к ней присоединились и две самые близкие подруги Цаца и Кнопка.

Не последнюю роль здесь сыграл и инструктор. Из-за высокого роста, крепкого телосложения и неизменного хвоста из темных с проседью волос на голове, его все называли Индейцем. «Таких людей в метро не встретишь», – так обычно начинался рассказ Вики о нем. Увлеченный своим занятием, профессиональный инструктор, владеющий всеми вида-

---

³ В. Высоцкий, «Вершина»

ми туризма: скалолазание, альпинизм, трекинг⁴, каньонинг⁵, спелеология⁶, суперсложная вода⁷. Многократный победитель всевозможных соревнований по спортивному туризму, проводящий в горах почти все двенадцать месяцев в году, немногословный, с острым внимательным взглядом, сильный и уверенный, он вызывал сразу уважение и восхищение. Вика рассказывала о нем своим друзьям и знакомым. И те, кто потом шли вместе с ней в поход, могли убедиться в этом. А потом уже сами захлеб рассказывали о нем и своих походных приключениях.

Индеец научил их *втыкать* сидя на верхушке горы, у подножия водопада и в сердце пещеры с выключенным светом в крошечной тьме. Научил слышать, видеть, чувствовать природу, самих себя. Наблюдал за каждым и радовался всегда, видя, как человек откликается на всю эту красоту. Красоту звуков и тишины, яркости и нежности оттенков, как ликует от покорения высот и самого себя, и внутренней тишины медитации.

Индеец выбирал для ночевки особенно красивые места,

---

⁴ Трекинг – буквально: пеший поход

⁵ Каньонинг – прохождение каньона без помощи плавающих средств, например, по высохшему или частично высохшему руслу горной реки.

⁶ Спелеология – наука о пещерах. В общем понимании спелеология – также и спорт, цель которого – поиск и прохождение пещер различной сложности.

⁷ Суперсложная вода – сплав по рекам, рафтинг, парусный туризм, морской каякинг высокой категории сложности.

часто вдалеке от оборудованных стоянок. Да и по маркированным тропам они ходили редко, он вел по своим тропам, любимым местам. На Северную Демерджи⁸ они поднимались три раза, и маршрут ни разу не повторился.

Индеец выделял эту бесстрашную и интересную троичку: Вику, Цацу и Кнопку. Они часто вместе засиживались у костра. И каждый совместный поход был большим событием и радостью. Они были похожи в одинаково сильной любви к природе, понимании ее.

И так было несколько лет. Два-три похода в год по пять-семь дней каждый. Все путешествия были по-своему интересны и незабываемы.

Водопад Су-Учхан. Струящийся, тонкий, неторопливый в июле и мощный, стремительный в ноябре. Он берет свое начало в пещере Кизил-Коба (Красная), которая находится чуть выше в скале. В том месте, где вода стекает вниз, падая на огромные обросшие мягким ярко-зеленым мхом валуны, есть большой плоский камень. Если подложить пенку и сесть на него, сложив ноги по-турецки, то вода будет омы-вать тебя со всех сторон изгибаясь, бурля, оглушая. Здесь размывается ощущение времени. Чем дольше сидишь и наблюдаешь за бегущей водой, пожелтевшими листьями, которые она уносит вниз, тем невозможнее становится самому, по собственному желанию, прервать этот убаюкивающий

---

⁸ Северная Демерджи – горный массив недалеко от Алушты.

процесс.

А еще можно посидеть внизу. В том месте, где вода разбивается брызгами о валуны и превращается в речку. Ощущение влажности на щеках, лбу, шее, губах, веках. И бесконечное движение прозрачного горного потока. Все звуки вытеснены, есть только шум воды.

А летом можно пробраться в самое сердце водопада. Вода в это время отступает и доверчиво обнажает его. Это маленькая сквозная пещерка. Там могут поместиться два-три человека. Вот так стоишь в самом сердце Су-Учхана, а вокруг тебя падают тонны воды. Они обрушиваются на голову, плечи, проходят сквозь тебя; только чудом сложившаяся из валунов пещерка защищает и берет всю силу и мощь водных ударов на себя.

И пока ты смотришь на всю эту красоту, мысли могут оставить тебя или наоборот закружить в нелогичном водовороте, одна сменяя другую. Связь их не ясна, можно потеряться в догадках. Важно ничего не менять, а просто отдаться, довериться процессу. И тогда, спустившись вниз, к людям, ты сможешь посмотреть на картины своей жизни по-другому, станет доступен еще один их ракурс. И, возможно, придут ответы, недоступные до подъема в горы, или отпадут вопросы как-то сами собой, очень естественно и гармонично. Возможно, появится гибкость в общении с трудными для тебя людьми и ты откроешь новые их грани, обогатив тем самым себя и других.

А еще Индеец открыл им потайное место в Долине при-
ведений. Мало кто знает, что, стоя у южной кромки обрыва,
ты находишься над тронном. И стоит набраться немного сме-
лости, перелезая на крайний камень, чтобы оказаться сидя-
щим на этом самом троне. Под ногами бездна, голову кружит
от высоты, и заземляет только ощущение пронизывающего
холода от обнимающего тебя каменного изваяния. «Ваше ве-
личество!» – говорил тогда Индеец, подавая руку каждой
из троицы, почтенно преклоняя голову, помогая соскольз-
нуть на царское ложе. Вика помнила, как в первый момент
ей было совсем не страшно, непрозрачное облако покоилось
под ногами, и казалось даже пушистым ковриком. Но в тот
момент, когда его разорвало от порыва ветра, и открылась
высота во всем своем величии, Вика вцепилась в каменные
подлокотники. Дыхание замерло. Мир поставили на паузу.
И осталось только твое парение над Южной Демерджи...

А два года назад Вика, Цаца и Кнопка на третий день
апрельского похода решили прервать его, вышли досрочно
из группы. Как бы ни было горько осознавать, что Индеец из-
менился, не замечать этого уже было невозможно. В преды-
дущем походе, в декабре, впервые возникла тема денег. Си-
дели вечером у костра, и Индеец сам завел этот разговор. Бы-
ло удивительно слышать от него недовольство в адрес орга-
низаторов, которым «слишком много платят за такую ерун-

ду» как сбор группы. А на вопрос кого-то из новичков, тяжело ли столько времени проводить в горах, он ответил: «Лишь бы деньги платили». Тогда впервые у Вики и девченок возникло неприятное ощущение чужеродности, как будто перед ними сидел совершенно незнакомый человек. Они не знали как на это реагировать, оставалось просто наблюдать, что будет дальше. Тягостное ощущение усилилось после того, как Индеец буквально стал *гнобить* одного очень активного и любопытного новичка. Раньше такие вызывали у него интерес, и с позиции наставника, гуру, он с удовольствием обучал их всяким премудростям: как правильно надеть систему⁹ и сделать обратку¹⁰, разжечь костер в дождь или залезть на скалу без веревок. А тут он крикнул грубо, с неприязнью, лицо исказила злость, – эту картину ни Вика, ни Цаца, ни Кнопа не смогли забыть.

В апрельский поход досталось уже им, вернее Вике. Возмутила несправедливость. Если бы Индеец высказался по поводу совершенной ею ошибки, она смогла бы понять. Но крик из-за ЕГО ошибки – это перебор. Продолжать путь вместе стало невозможным и бессмысленным. То, за чем шли в каждый поход: расслабление у вечернего костра, *вты-*

---

⁹ Система – страховочные приспособления для скалолазания и альпинизма. Систему надевают на себя, к ней крепится веревка. В данном случае имеется ввиду нижняя система (также называемая *беседка*), которая состоит из соединенных между собой пояса и ножных обхватов.

¹⁰ Обратка (жарг.) – обратное направление ленты регулировки ножных обхватов в креплениях для дополнительной страховки.

кание на вершине, единение с природой, – все это ушло. Остались напряжение и усталость от усиленного самоконтроля, понадобившегося, чтобы еще больше не усугублять ситуацию.

– Я предлагаю уйти, – серьезно сказала Цаца, глядя в упор на Вику.

– Страшно... – отозвалась Кнопка.

– Мы не высоко, спустимся сами, – парировала Цаца.

– Я не об этом, – продолжала Кнопка, – это серьезный шаг и он повлечет большие перемены.

– Дело принципа, Кнопа! – воскликнула Цаца, – нельзя позволять такие вещи в свой адрес!

– Я не сказала, что я против. Просто это серьезное решение.

– Я не хочу портить вам отдых, – вмешалась Вика.

– Да какой тут отдых! – Цаца покраснела от возмущения, – Тебя обидели, это значит – меня обидели! Да, гор не хватило, природы не хватило, но это сейчас неглавное.

Ну, что, Кнопа, скажешь, что это не так?

– Цаца, если я не выдаю порцию эмоций на-гора, это еще не значит, что я ничего не чувствую! Да, ситуация вышла за рамки и поступить по-другому мы просто не можем. Но если говорить об Индейце, у меня нет четкого, однозначного негатива. Скорее исследовательский интерес. Что с ним произошло? Люди не делают неожиданный поворот на все сто восемьдесят градусов, это невозможно.

– Ты еще пожалей его! – кипела Цаца.

– Может и пожалею, когда узнаю правду, – на что Цаца передернула плечами, а Кнопа спокойно продолжила, – у нас есть четыре часа, чтобы спуститься до захода солнца.

– Девочки, спасибо... – тихо произнесла Вика.

И они ушли... Индеец понял их намерения до того как они их озвучили. Вика осталась на рюкзаках, она не смогла бы сейчас смотреть Индейцу в глаза. К нему подошли Цаца и Кнопка. Повисла пауза. Цаца жестко, исподлобья смотрела на него, ноздри слегка раздувались от гнева. Кнопка же, наоборот, смотрела прямо и спокойно.

– Вы уходите? – с горькой усмешкой спросил Индеец.

– Естественно, – грубо отозвалась Цаца.

– Мы не можем поступить иначе. Ты не дал нам выбора, – ровно, беспристрастно ответила Кнопка.

Индеец молча отсчитал деньги за неиспользованные дни и протянул их Кнопке.

– Спасибо, – ответила та.

За этой сценой молча наблюдали все участники похода. Да, ситуация не стандартная, такое если и происходит, то крайне редко. Набрасывая рюкзак, Вика решила взглянуть на Индейца. Он смотрел прямо на нее. Желваки играли, губы плотно сжаты, но во взгляде не было злости. Скорее застывший вопрос. И он как будто не видел ее, взгляд был обращен внутрь его самого. Цаца и Кнопка стали прощаться со всеми. Звуки вывели Индейца из оцепенения, он повернулся, молча взял рюкзак и пошел по тропе вверх.

***

Когда бабушка Вики учила ее шить, она любила повторять: «Как сядешь первый раз за машинку, так и будешь всегда сидеть, по себе знаю, – в такой же позе, за тем же столом.

И только так тебе будет удобно». Так и вышло. Вика любила строчить, повернув педаль обратной стороной. И машинку ставила не на специальный стол, купленный потом для нее родителями, а на гладильную доску. Эта привычка осталась, и только так ей было удобно и интересно заниматься шитьем.

Нечто подобное произошло и с выбором инструктора для следующего похода. Однажды туристическая компания, в которой работал Индеец, решила устроить встречу Нового года в горах. Собрались все инструкторы со своими самыми верными подопечными, которые чаще всего ходят с каждым из них в походы. Вика, Кнопка и Цаца были там и познакомились со всеми.

Оказалось, что инструкторы бывают разные...

Дедушка Ау выглядел как Харви Кейтел в фильме «От заката до рассвета» после укуса вампира. Основной профиль – рыбалка, – знакомил страстных рыболовов с заповедными местами. Дука с сыном – главные по воде. Они брали на сложную воду опытных туристов и заведовали лагерем для новичков на Южном Буге¹¹. Основатель компании, Венья, занимался восхождениями на Эльбрус и Эверест.

По Крыму специализировались еще два инструктора, не считая Индейца. Первый – Джавед. Молодой мужчина с несуразно длинной черной бородой и маленькими глазками. За все время этого похода никто так и не понял, какой

---

¹¹ Южный Буг – одна из наиболее полноводных рек в Украине, впадает в Бугский лиман Чёрного моря.

он на самом деле. Второй – Игорь Потапов, начинающий инструктор. Он, как и Индеец, водил в основном по Крыму: спелео¹², пешка¹³, каньонинг. Игорь считал себя учеником Индейца, восхищался им, старался во всем ему подражать. Правда, еще увлекался эльфийской культурой и искренне считал старшего инструктора эльфом высшего порядка.

После долгих рассуждений решили присоединиться к нему в следующем походе. Было страшно, очень страшно идти не со «своим» инструктором. Выбор был мучительным. Ошибка – и поход не удастся, не будет удовлетворения, очищения, легкости после него и чувства глобальной любви ко всему миру. Ставки велики, но другого выхода не было.

Игорь запомнил трех симпатичных девчонок, подопечных Индейца. И когда они написали ему, что хотели бы присоединиться к его группе, идущей на Ласпи¹⁴ в сентябре, сразу их узнал и очень обрадовался. Ему льстило, что люди Индейца выбрали именно его. Но это не помогло.

К тому времени Игорь уже стал популярным инструктором со своими постоянными походниками. Но он все равно старался не ударить в грязь лицом перед ученицами Индейца и постоянно спрашивал: «А как бы сделал Индеец?», «А что говорил Индеец?» и так далее. Но самое ужасное для девчонок было то, что его походы оказались спортивными.

---

¹² Спелео (жарг.) – прохождение пещер.

¹³ Пешка (жарг.) – пешеходный поход (трекинг).

¹⁴ Ласпи – одна из бухт Черного моря на Южном берегу Крыма.

То есть жесткий расчет времени стоянок, переходов, отдыха. Эти рамки выматывали и сковывали. Мимо красивых мест они буквально пробегали – цель ставилась лишь на достижение конечной точки, заложенной в маршруте на этот день. За семь дней удалось *повтыкать* всего однажды, над морем в Затерянном мире¹⁵, и то Вика настояла на привале, и не из-за технических сбоев, а просто чтобы полюбоваться на Балаклавскую бухту¹⁶ с высоты птичьего полета. Игорь пожал плечами и, конечно, разрешил эту непонятную для него романтику. И с этого момента он загрустил, потому что стало очевидно: эти девчонки – Цаца, Кнопка и Вика – другие. И ему не удалось завоевать их, а им получить то, зачем они пошли в горы.

Стало ясно – больше никаких экспериментов с инструкторами. Но что же делать? Отказаться от гор? Это нереально...

Мысль пойти самим отвергалась сразу, ее не успевали додумать, и даже не обсуждали: нереальной казалась такая возможность. Но потом Вика посидела на различных туристических форумах и с удивлением обнаружила, что масса людей пускаются в путь самостоятельно. Причем они далеко не профессионалы, часто не умеют толком пользоваться картой, но с энтузиазмом ныряют в новые приключения,

---

¹⁵ Затерянный мир – участок берега за мысом Айя, заключенный между обрывающимися в море стенами массива Арфен-Чер-Бурун на западе и мыса Айя на востоке.

¹⁶ Балаклавская бухта – бухта в районе Севастополя с чрезвычайно узким горлом, окруженная со всех сторон горами.

ищут нужные тропы, сбиваются с пути, снова находят, правда, иногда не то, что искали, но никто не унывает. И взять Екатерину¹⁷ в лоб – нормальное дело.

Было решено пойти на четыре дня летом. Это не так страшно: погода хорошая, стабильная, без сюрпризов, тем более маршрут выбрали хорошо знакомый. Получилось. Да, немного не рассчитали с едой – ее взяли больше, чем требовалось (раньше всем этим Индеец занимался), а самое главное – было страшно втроем, без мальчиков. По вечерам преследовал нехороший тонус. У костра ты сам ничего не видишь вокруг, зато тебя пламя ночью освещает так, как будто ты на арене цирка в софитах, и если сюда еще страх добавить, то чувство, что за тобой недружественно наблюдают из-за каждого дерева, гарантировано. Каждая напряженно вслушивалась в ночные звуки леса, но старалась не показывать вида, чтобы не смущать остальных.

И тем не менее поход удался. Даже появился азарт при разработке новых маршрутов. Обычно этим занималась Вика. Предварительно она собирала ожидания от каждого походника и старалась воплощать их в жизнь. Как правило, всем хотелось красивых видов, высот и новых мест. А еще заказывали погоду, хорошую погоду. На что Вика разводила руками: горы есть горы, даже если они не такие высокие, они настоящие, за несколько секунд может все кардинально из-

---

¹⁷ Екатерина или «Сфинкс» – скала на Южной Демерджи, напоминающая профиль Екатерины II.

мениться. И если ты видишь черную тучу, зависшую над Чатыр-Дагом¹⁸, то уже через несколько секунд, она может щедро поливать тебя, стоящего на Демерджи.

Каждый новый поход к ним кто-то присоединялся. Горы – серьезный тест на *нормальность*. Погружаясь в экстремальные условия, ты обнажаешь свою *тьень*. Часто сам человек не знает, что в нем сидит столько гадости. А при столкновении с трудностями все лезет наружу. И вот тут как раз и наступает момент истины. Тень есть у всех, а вот сможешь ли ты ее на место поставить – самый главный вопрос.

Через это проходят все. Многие *мальчики* (принадлежность к полу вне зависимости от возраста), особенно живущие в больших городах, в первый свой поход стараются «не прогадать». Распределяется еда по рюкзакам – они не в первых рядах, пытаются взять наиболее легкие пакеты, если совсем не удастся избежать этой участи. Вика спокойно наблюдала за этим. Главное – впереди.

После долгого перевала нашли стоянку, с трудом, но нашли. Солнце уже закатилось. Надо идти за водой, а для этого, возможно, необходимо спуститься в сухой каньон и пройти не один километр по бурелому, в темноте, с одним фонариком на троих. А потом принести ее столько, чтобы хватило на вечер и утро, и эту огромную тяжесть надо еще донести, поднять наверх. А ты безумно устал, день был нелег-

---

¹⁸ Чатыр-Даг («Шатер-гора») – яйла, расположенная в южной части Крымского полуострова.

кий, семь-восемь часов хода. Отказаться? Но тут же *девочки* (снова лишь принадлежность к полу вне зависимости от возраста), на них это не переложить. Раскричаться, вылить гнев, накопленный из-за серьезных физических нагрузок, и не пойти? Или закрыться в собственной раковине, *отморозиться*, и пусть кто-то решает этот вопрос? В такие моменты и происходит настоящее познание себя. И выбор, который ты делаешь, или погружает тебя в еще большую тьму, или поднимает на ступеньку вверх. Преодолев себя и молча взяв тару, ощущая весь груз ответственности и невероятной усталости, ты спускаешься в ночной каньон и через два, три или четыре часа приносишь воду. И в этот самый момент двадцати-, тридцатилетние *мальчики* превращаются в мужчин и испытывают огромный кайф от своей *нормальности*. И навсегда меняются их приоритеты. Такие события не забываются никогда. Им, вернувшимся в большие города, где другие законы, этот открывшийся канал настоящего мужества помогает оставаться нормальными и настоящими. И их снова тянет в горы...

В предыдущий поход впервые пошли два приятеля Цацы – Боля и Паша. Тот самый ночной каньонинг стал для них переломным моментом, который расставил все точки над *i*.

За два года самостоятельных походов были исхожены вдоль и поперек все знакомые тропы, которые они узнали от Индейца. Изредка в нитку известных маршрутов добав-

лялись новые места. Скорее даже не новые места, а новые объекты уже знакомых мест. Например, были на Демерджи, но не видели крепость Фуны¹⁹. В следующий поход планировали маршрут так, чтобы можно было посетить и ее.

А больше всего хотелось попасть на Роман-Кош²⁰, высшую точку Крыма. Разрешенных туристических маршрутов к ней нет. Это заповедник. Но Крым практически весь состоит из заповедников: Крымский, Ялтинский, Ай-Петринский... И тем не менее разрешенные маршруты там значатся.

Роман-Кош находится на яйле Бабуган²¹. Если ехать вдоль побережья из Симферополя в сторону Ялты, то справа, в районе села Виноградное, можно увидеть красивую скалу Парагильмен²², как будто отклонившуюся от основной гряды. За ней и находится Бабуган. Эта яйла считается самой суровой. Она сплошь состоит из карстовых воронок различных размеров с кое-где зацепившимися и чудом выросшими карликовыми соснами. На Бабугане находятся несколько высших точек Крыма: Зейтин-Кош, Орман-Кош. Говорили, что

---

¹⁹ Крепость Фуна («Дымная») – средневековая крепость, расположенная на скальном холме у подножия горы Демерджи в Крыму.

²⁰ Роман-Кош – высшая точка Крымских гор, расположена в массиве Бабуган-Яйла. Высота – 1545 м.

²¹ Бабуган («Волчья ягода») – самый высокий массив (яйла) в Крымских горах. Является частью главной гряды.

²² Парагильмен («Выходить за пределы чего-то») – гора, самый высокий известняковый отторженец главной гряды, высотой 871 м над уровнем моря..

этот заповедник охраняется особенно тщательно, там раньше находились охотничьи царские угодья, а сейчас это президентские владения. Есть только один официальный способ попасть туда – заказать экскурсию на побережье. На автобусе тебя отвезут, дадут минут тридцать постоять на верхушке и отвезут обратно. Конечно, ни Вику, ни ее друзей такой расклад не устраивал. Но идти самостоятельно – большой риск. Интернет пестрил рассказами о встречах с пограничниками, охраняющими заповедник. Чаще всего *турьё* отлавливали и отправляли обратно вниз.

По Романовскому шоссе²³, которое ведет к высшей точке, передвигаются только туристические автобусы и пограничные машины. Те, кому довелось своим ходом взобраться на Роман-Кош, отправлялись, как правило, рано утром из Краснокаменки²⁴. И через шесть часов ходу по красивейшему буковому лесу оказывались наверху. Но, насладившись всеми красотами, видом на Аю-Даг²⁵ и море, они непременно возвращались назад той же дорогой. Некоторым везло и они не встречали по пути пограничников. Вику такой способ не устраивал. Обычно маршрут планировался так,

---

²³ Романовское шоссе – из 60 километров шоссе 45 проходит по территории заповедника.

²⁴ Краснокаменка – поселок городского типа Ялтинского городского совета АР Крым. Поселок расположен рядом с живописной скалой Красный Камень – популярным местом для скалолазания.

²⁵ Аю-Даг («Медведь-гора») – гора на Южном берегу Крыма, расположенная на границе Большой Алушты и Большой Ялты.

чтобы все семь дней не спускаться вниз, к людям. В этом была огромная ценность похода. И она долго ломала голову, как органично вплести Роман-Кош в маршрут, тем более на Бабугане нет ни одного надежного источника воды. Непростая задача, но Вика не сдавалась. В итоге, через какое-то время, маршрут родился. Вику распирало от желания со всеми поделиться.

Нитка маршрута выглядела так:

СИМФЕРОПОЛЬ – КРАСНОКАМЕНКА – СКАЛА КРАСНЫЙ КАМЕНЬ – ЯЙЛА БАБУГАН – РОМАН-КОШ – ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО – НИКИТСКАЯ ЯЙЛА – ЯЛТИНСКАЯ ЯЙЛА – СКАЛА ТАРАКТАШ – ПОЛЯНА СКАЗОК, СПУСК К ЯЛТЕ.

Дух захватывало от предвкушения. Но оставались две сложности. Первая – вода есть только у подножия Бабугана. Источник один и скрыт в лесу. Описаний как его найти – масса, даже фотографии есть, но Вика по опыту знала, как это не просто. Планировалась ночевка наверху, а это значит, что водой надо затариться под завязку и затащить ее наверх, переночевать там, а потом двинуться дальше, до следующего источника. Исходя из описания на форуме, он находился где-то в районе Беседки Ветров, недалеко от Романовского шоссе. Вика распечатала описания расположения источника, фотографии. Но тревога оставалась. Ставки велики.

Необходимо найти два новых источника подряд, чтобы группа не осталась без воды. Дальнейший путь был более-менее понятен. Ялтинская яйла, Ай-Петринская яйла – практически прогулка над морем и облаками. По пути родник Беш-Текне. Потом урочище Таракташ и исток Учан-Су²⁶. Там они были с Индейцем, этот путь она хорошо помнила. Далее спуск по Таракташской, а затем Боткинской тропам к Поляне Сказок²⁷ и выезд в Ялту, к морю.

Восхождением на Роман-Кош заболели все. А Вику, Кнопку и Цацу еще и не покидала мысль о пещере, Пещере Восходящего Солнца... И началась подготовка к походу. Вика, Цаца и Кнопка имели уже все необходимое, поэтому сосредоточились на разработке меню, просчитывая все до граммов, а также инструктировали Болю и Пашу, что им необходимо приобрести из личного снаряжения. Боля даже проявил инициативу и приобрел для общего снаряжения *мягкие ведра*²⁸ вместимостью пятнадцать литров ярко-оранжевого цвета и зачем-то моток альпинистской веревки толщиной десять миллиметров. Эта покупка удивила всех. Дело в том, что без Индейца никто не отважился делать спуски со скал. Но следующим его приобретением стал кремень точь-в-точь

---

²⁶ Учан-Су («Летящая вода») – водопад в Крыму, на одноименной реке, самый высокий водопад Украины.

²⁷ Поляна Сказок – это единственный в Украине музей сказки под открытым небом.

²⁸ Мягкое ведро – складное ведро вместимостью 15 литров, сделанное из прочной ткани, весом не более 200 гр.

как у Беара Гриллса²⁹, причем за данным походным артефактом Боля охотился по всей Москве недели две. После этого Болю в его страстно-потребительском состоянии оставили в покое и спокойно, снисходительно, с улыбкой выслушивали его эмоциональные рассказы о посещении огромного спортивного туристического торгового центра на Речном вокзале³⁰. Боля как инженер восхищался всевозможными *прибамбасами* для походов и с азартом планировал следующие покупки. Паша покупал все для двоих. Жанна только лишь хлопала в ладоши и мило улыбалась, когда он доставал из фирменного оранжевого пакетаскладной набор «Ложка. Вилка. Нож» или быстросохнувшие полотенца из какой-то чудной синей ткани. Но больше всего Жанну восхитила компактная мыльница с тонкими, прозрачными как бумага листиками мыла. Оказалось, что невесомый листик, соприкоснувшись с водой, моментально превращался в пену и отлично справлялся со своей задачей.

---

²⁹ Беар Гриллс – известный ведущий приключенческой передачи, который выживает во всевозможных диких местах и показывает зрителям, как можно выжить в экстремальных условиях.

³⁰ Речной вокзал – конечная станция Замоскворецкой линии Московского метрополитена.

Боля и Лёля

Анима³¹ и Анимус,³² или Полусеамские близнецы.

В школе они, как и большинство близнецов, сидели за одной партой. Боля учился, а Лёля плелась за ним. Все, на что ее хватало – это внимательно и аккуратно списывать у брата домашние задания. Боля не был против, он всегда чувствовал ответственность за сестру и буквально все делал за нее. На контрольных успевал решить свой вариант и принимался за Лёлин, иногда наоборот. И после окончания школы, начав самостоятельно зарабатывать, он решал, куда ехать в отпуск, какие места посетить, какая культурная программа у них будет, а Лёля со всем соглашалась. Они были единым целым. И ощущали себя единым целым. Окружающие, даже если обращались к одному из них, все равно называли оба имени: «Боля-Лёля, ты пойдешь на футбол?», «Боля-Лёля, тебе так идет эта кофточка!». Но была и обратная сторона такого симбиоза. Они воспринимали друг друга как продолжение себя. Отсюда и упреки, критика, наставления, которыми они засыпали друг друга, как только поведение другого выходило

---

³¹ Анима – согласно психоаналитической теории К. Г. Юнга это – женская часть, живущая в мужчине.

³² Анимус – мужская часть, живущая в женщине.

ло за рамки их внутренних правил. Боля мог критиковать сестру за нерешительность, а Лёля брата за чрезмерную активность. И это были не просто наставления, а жесткие требования. Никто из них даже помыслить не мог, чтобы принять особенности друг друга как данность.

Обычно Лёля не чувствовала своих желаний отчетливо. Нет, конечно, записаться в какой-нибудь кружок, танцевать или вышивать крестиком – это ей удавалось без посторонней помощи. Но подобные увлечения были скоротечными, интерес угасал быстро и приходилось выбирать какое-либо другое из *женских* занятий. Острые, жгучие желания Лёле были незнакомы. А нет желаний – нет и необходимости принимать решения. И так Лёля плыла по течению. И на работу устроилась совершенно неинтересную, и обязанности выполняла абсолютно незначительные и для компании в которой трудилась, и для себя лично. Брат же был успешен в своей профессии. Инженерный труд выбрал не случайно. Ему нравилось создавать новые, сложные конструкции. И в свои двадцать два года он работал в солидной компании и был там на хорошем счету.

У Боли была одна особенность. Он не мог участвовать в серьезных разговорах, даже если чем-то желали поделиться самые близкие друзья. Он старался скрывать свое неумение адекватно реагировать на то, например, что папа Вики чудом спасся, провалившись под лед на рыбалке, или на душе-

щипательную историю Цацы, которая разбила (с серьезными последствиями) коленку, катаясь на велосипеде в дождь по мостовой, или на уход из жизни любимой бабушки Паши, которая его воспитывала в детстве. При первых словах глаза Боли расширились от ужаса, откуда-то из легких вылетал естественный звук, похожий «ох...», а потом лицо его маскообразно застывало, хаотично, не к месту передергиваясь различными группами лицевых мышц. Про себя в такие моменты он отчаянно желал завершения этой муки. Создавалось впечатление, если, конечно, взглядеться, что перед вами инопланетянин, напяливший кожу человека, который старается всеми силами походить на человека, а сущность его рвется наружу. И нельзя сказать, что его не трогало горе или несчастья близких и родных. Конечно, нет. Он просто боялся любого проявления сильных чувств. Ему казалось, что они как-то уж сильно обнажают его, делают беззащитным, срывая панцирь. Это с одной стороны, а с другой – шло противоречие с его жизненным кредо: «Быстрее. Позитивнее. Еще быстрее и еще позитивнее». Неприглядные, сложные стороны жизни отрицались Болей. Он старался постоянно поддерживать тот самый *pozitiviff*, а если не получалось – начинал ускоряться. Нырял с головой в какое-то дело, действие, задачу, отдаваясь этому полностью, анестезируя боль, страх, отчаяние, а время тем самым выполняло роль доктора. По той же самой причине Боля не любил мелодрамы, драмы и арт-хаусное кино. Жизнь должна быть легкой, прино-

сильное удовольствие и ты должен дарить только *positiff*.

Боля долго сопротивлялся присоединению Лёли к группе. Ему казалось, что такое хрупкое, нежное создание не выдержит нагрузку. А еще он безумно боялся, что она может оступиться, травмироваться. Он представлял совместный поход с сестрой как нечто нереальное, потому что понимал – он физически не сможет находиться с ней рядом все двадцать четыре часа в сутки, а значит не сможет помочь или предотвратить что-то страшное и непоправимое и, как ему казалось, неизбежное. От одних только мыслей наваливалась непосильная тяжесть.

Лёля затаив дыхание слушала яркий, эмоциональный рассказ брата о его первом путешествии. Она отметила, как он изменился после похода, стал взрослее, мужественнее. Ей по душе была эта перемена, и она тихо радовалась за него. Лёля боялась озвучить свое желание пойти в поход вместе с братом. Окунуться в эту атмосферу – природа, хорошая компания, – как же это здорово. Но даже заикнуться об этом не решалась. И так бы и осталась Лёля в их тесной московской квартирке, вместе с родителями и пальцами, заправленными девственно-белым полотном, готовым к вышиванию, если бы не вмешательство Цацы. Она взяла Болю в оборот с наскока, в своей привычной манере решать все дела быстро, эффективно и в свою пользу. Она считала, что Лёле просто необходимо покинуть тепличные условия и вдох-

нуть жизнь полной грудью. Боля сопротивлялся как мог, и, когда иссякли все побочные аргументы, он выпалил то, что так хотел скрыть:

– Цаца, да я не переживу, если с ней что-то случится!

После недолгой паузы, во время которой она рассматривала Болю, как будто впервые его видит, Цаца произнесла:

– А с чего ты взял, что она не такая как ты, я или Вика? Она – взрослый человек, и в состоянии сама о себе позаботиться. А если и возникнет трудность – поднять рюкзак на скалу или перейти брод, или еще чего-нибудь, – язык есть, сама тебя о помощи попросит. Тем более мы не экстремалы, ничего опасного не делаем.

Боля и сам не раз пытался думать в подобном ключе, но страх, животный страх брал свое. Цаца не унималась. Одновременно вела переговоры и с Болей и с Лёлей. С Лёлей – о смелости обозначать свои желания, а с Болей – как научиться принимать сестру как взрослого, полноценного человека. Победила, конечно, Цаца.

Цаца

Парни не плачут, или Hello, Kitty!

В чем бы Цаца никому, никогда, ни под какими пытками не призналась, так это в том, что она с замиранием сердца смотрит на кошелечки, зеркала, расчески, гигиенические помады марки «Hello, Kitty!»³³. Ее завораживали эти девчачьи штучки нежно-розового цвета. Встречая на прилавках магазинов самообслуживания милые сундучки «Hello, Kitty!» или блокнотики «Hello, Kitty!» Цаца, если была одна, с удовольствием всю эту прелесть разглядывала, ощупывала блаженно улыбаясь. Но... никогда не покупала. Если же она с кем-то делала покупки, и, катя тележку по стройным рядам супермаркета, натыкалась на что-то розовое и милое с кошечкой *Kitty*, то усилием воли проходила мимо. И никто не замечал, что, поворачивая в соседний ряд, она обязательно бросит тоскливый взгляд на эту полку. Да кто бы вообще мог подумать, что Цацу может интересовать такая откровенно девчачья, гламурная утварь? Ее презрительное отношение ко всякого рода «бантикам» – так она называла кричащие, подчеркнуто-женские аксессуары, – знали все. На лице появлялось дикое, брезгливое выражение, сопровождающе-

---

³³ «Hello, Kitty!» – персонаж японской поп-культуры, маленькая кошечка в упрощенной прорисовке. Игрушки Hello Kitty – популярные в Японии и во всём мире сувениры.

еся передергиванием плечами, как будто ей подсунули под нос блюдо со свежими, жирными африканскими личинками и предложили отведать.

В одежде Цаца предпочитала исключительно спортивный стиль. Ей, шустрой, яркой, иногда взрывной, очень шли джинсы, майки, футболки и кроссовки. Все это приобреталось в невероятных количествах и впоследствии вываливалось из ее огромного шкафа. Цаца с шестнадцати лет сама зарабатывала себе на жизнь. К маме в Подмосковье ездила редко. Им сложно было вынести друг друга больше трех часов подряд. Безумно активная Цаца и тихая, но строгая, бескомпромиссная Нелли Викторовна негласно решили не нарушать хрупкий мир их родительско-детского общения, который прекрасно поддерживался по телефону и вдрызг разбивался при встрече. Мать и дочь могли несколько раз в день созваниваться по каким-то пустякам и нежно щебетать, обсуждая незначительные события текущего дня. Но стоило Цаце приехать домой, как мама переходила в позицию наставника и начинала учить ее жизни. От чего Цаца буквально задыхалась и, находя более-менее подходящий предлог, сбегала обратно в свою маленькую съемную московскую квартиру, где была самой себе хозяйка.

Работала Цаца менеджером по продажам в крупном сетевом магазине спортивных товаров. Продажи она воспринимала как азартную игру, и ей всегда фартило. Она открыто бросала вызов кому-нибудь из коллег: кто больше сделает де-

нег за месяц или быстрее продаст какой-нибудь дорогуший тренажер, за который положена приличная премия. И так всегда получалось, что ленточку победителя срывала именно она. Постепенно все менеджеры магазина зареклись вступать в спор с Цацей по любому поводу, а вот новички еще покупались на ее призывы, а потом долго восстанавливали самооценку. Цаца же не могла без соревнований. Однажды она поспорила с охранником их торгового зала, что больше его сможет выжать пресс на «станке»³⁴. Молодой парень проявлял симпатию к Цаце несколько навязчиво, и она решила его проучить. Все закончилось печально. Для охранника. Цаца со своим стальным тренированным прессом могла и двести выжать, но парень свалился уже на подходе к сотне. Вдобавок подпольное соревнование увидел администратор, а так как оно проходило в конце рабочего дня, в подсобке, то он оштрафовал охранника на приличную сумму. Цаца испытала даже что-то похожее на угрызение совести, поскольку ей удалось каким-то образом избежать наказания. На следующий день, в качестве компенсации, она угостила его вкусным кофе из Starbucks.³⁵ Охранник кофе принял, а вот ухаживания прекратил, к полной радости Цацы.

У Цацы была масса поклонников. Предложения на сви-

---

³⁴ Скамья для тренировки мышц живота с изменяемым углом наклона.

³⁵ Starbucks – американская компания по продаже кофе и одноименная сеть кофеен.

дания сыпались чуть ли не каждый день. С первого взгляда красавицей ее нельзя было назвать, но только до того момента, пока ее лицо не озаряла улыбка с хитрым прищуром глаз редкого, яркого сине-серого цвета. А в улыбке обнажались крупные белоснежные ровные красивые зубы, привлекающая внимание и завораживая, пока она говорила, говорила, говорила... А потом раз – и ты на крючке... Влюбился!

Цаца кокетничала бесконечно, со всеми подряд, отсюда и прозвище такое. Она постоянно сияла, переливалась всеми красками и при этом была недоступна. Все, кто штурмом пытался взять этот бастион, натыкались на серьезную преграду в виде экзаменов *на нормальность*, которые Цаца устраивала понравившимся ухажерам. И часто «мальчики» сходили с дистанции, так как она сама с ними и соревновалась и часто выигрывала. И в спорте, и бесстрашном противостоянии ночному уличному хамству, и способности обеспечить и наладить свою жизнь без помощи родителей.

Вереница неудачливых воздыхателей множилась. Цаца к ним охладевала, как только они оказывались в числе проигравших. Некоторые из поклонников, уже ни на что не надеясь, все равно продолжали жалкие попытки приблизиться к этой стройной, длинноногой, невероятно энергичной и притягательной красоте.

С Болей и Лёлей Цаца познакомилась на отдыхе в Египте. А в Москве они продолжили свое общение. Оказалось, что с Болей у них общие интересы: катание на сноубордах, ве-

лосипедах, плавание, но самое главное – они были на одной волне сумасшедшего ритма жизни, который сами создавали и поддерживали. Вот такой вечный драйв. А Лёля, с ее тихими занятиями рукоделием, могла только удивляться и радоваться за них.

Кнопка

Белоснежка и 70 гномов, или Снежной Королеве до востребования

Кнопка любила детей. Не в смысле понянчиться, хватая на руки первого попавшегося карапуза, производя приторные *уси-пуси*, пока он не закапризничает и не попросится обратно к матери. Нет, для этого она их слишком сильно уважала. Ее безмерно восхищала детская непосредственность, с которой они открывают для себя этот мир. Кнопка обладала редкой способностью – разговаривать с детьми как со взрослыми, выходило это у нее легко и естественно, детки к ней тянулись. Правда, была и обратная сторона – со взрослыми иногда она говорила как с малолетними детьми и это им, как правило, не нравилось, но поделаться с собой она ничего не могла.

Внутренний мир каждого ребенка воспринимался ею как редкая драгоценность, требующая бережного, очень бережного отношения, на которое не каждый родитель способен. Прямое детское мышление, сногшибательные логические выводы, порой ставящие в тупик любого взрослого, – ну как тут не восхищаться этими маленькими профессорами?

Этот интерес, эта любовь привела Кнопку в детский сад

«Родничок», где она сначала работала нянечкой в продленке, параллельно учась в пединституте, а сейчас уже вела подготовительную группу в качестве воспитателя. Она полностью погрузилась в работу, с интересом используя новые продвинутые техники и знания по возрастной психологии, полученные на дополнительных курсах при институте. И если профессиональная жизнь Кнопки бурлила, то с личной жизнью дела обстояли иначе. Ее не было. Вернее, почти не было.

***

По дороге в Симферополь в рабочий тамбур вышли подышать свежим воздухом Цаца и Кнопка. Цаца, как обычно тарыхтела обо всем подряд, Кнопка или Кнопа, как чаще всего называли ее друзья, как всегда внимательно слушала с серьезным выражением лица.

Цаца *«разминала крыльшки»* – так она называла любое действие после долгого и бестолкового сидения на одном месте. Правую руку она подняла вверх, как будто хотела коснуться крыши вагона, а левой рукой, отведной назад, обхватила лодыжку и прижимала к себе, растягивая тем самым какую-то важную мышцу. Кнопа отрешенно переводила взгляд с серости мелькавшего за окном пейзажа на Цацу и обратно.

Дверь открылась неожиданно и в тамбур ввалилась шумная компания ребят. Судя по одежде – обтягивающие фут-

болки из мембранной ткани³⁶ с яркими красными, оранжевыми, салатными вставками и перчатки с обрезанными пальцами – из всего транспорта они отдавали предпочтение горным велосипедам. Цаца еле успела отскочить к стене. Но испуг быстро остался всего лишь тенью на ее лице, для того чтобы в купе с улыбкой придать кокетливое выражение, столь подходящее для приглашения к общению, начинающемуся со слов «Ой, простите!» Ставки были сделаны верно – еще бы! это же Цаца! – ребята рассыпались в извинениях.

Началась обычная в подобной ситуации болтовня. Банальные вопросы: «Как вас зовут?», «Откуда?», «Куда направляетесь?» и предсказуемые ответы. Беседу поддерживала Цаца, хитро улыбаясь и томно накручивая непослушный локон на палец. Она сейчас находилась в своей стихии и получала огромное удовольствие от новых знакомств, и особенно от возможности отразиться в глазах новых обожателей. А то, что ребята попадут в эту категорию, сомнений не возникало. Мало кому удавалось вот так сразу не заразиться ее жизненной энергией, обаянием, улыбкой. Правда, для Цацы эта *кроличья болезнь*, как она сама называла состояние воздыхателей, впадающих в гипнотический транс кроликов перед удавом, являлась кратковременной ценностью.

Кнопка почти не принимала участия в разговоре. Отвечала

---

³⁶ Мембранная ткань – обычная ткань (иногда со специальным плетением), на которую изнутри нанесена мембрана – слой материала с калиброванными отверстиями: воздух пропускает, а воду отталкивает.

только в том случае, если обращались лично к ней. Делала она это свысока, кратко, без улыбки. Глядя со стороны, могло показаться, что ни с кем она тут не знакома и все происходящее ее чуть ли не оскорбляет и что она выше всего этого. Кнопка с царственным видом смотрела в окно, иногда отрывалась, бросая секундный взгляд на компанию в целом, если раздавался общий смех или чей-то особенно громкий возглас. Случайно ее взгляд скользнул по молодому человеку с красной банданой, повязанной на шее, стоявшему чуть поодаль. Он не участвовал активно в беседе, но, очевидно, слушал, поскольку улыбался и кивал в нужных местах. Он смотрел на Кнопку прислонившись к стене, скрестив на груди руки и наклонив голову. На губах – еле заметная улыбка. Взгляд слегка удивленный, заинтересованный, так наблюдают за игрой детей или животных. Кнопка сразу же отвернулась. Ее как будто током ударило, в животе разлился холодок. Не ожидала она такого откровенного взгляда. Правда, внешне это никак не отразилось. Выждав пару мгновений, внутренне собравшись, она сделала «контрольный» беглый взгляд. Да, ей не показалось, парень наблюдал за ней. Серые глаза, прямой аристократический нос, пронзительный взгляд, – такой типаж нравился Кнопке.

Цаца, насладившись вниманием, уже стала замечать окружающую действительность. Она поймала эту встречу взглядов и, хитро улыбнувшись, обратилась к Кнопке:

– Кнопка, мне не верят, – кокетливо-возмущенно хлопала ресницами Цаца, – подтверди, что мы никогда не берем с собой палатки, – ее губки капризно надулись.

– Да... Не берем... – задумчиво протянула Кнопка и снова отвернулась к окну.

Гул голосов утопил довольную Цацу в расспросах. На эту реакцию она и рассчитывала. И терпеливо, но с явным удовольствием стала объяснять, почему они спят под открытым небом в любое время года. Аргументы: отвратительный запах в палатке и лишние два-три килограмма веса никого не убедили. И тогда она вытащила свой главный козырь:

– Мы погружаемся в природу. И хотим все двадцать четыре часа в сутки ее чувствовать, слышать, видеть закат и рассвет. От непогоды нас может спасти тент, а иногда мы останавливаемся в гротах³⁷. Пенки укладываем с нахлестом, обкладываем их рюкзаками, – под голову, под ноги, по бокам, – и укладываемся как иваси. Тепло, уютно и на свежем воздухе – непередаваемые ощущения! Кто однажды пробует – потом ни за что в палатку не пойдет спать. Хотя иногда берут ее с собой, на всякий случай, но так и не ставят ни разу.

---

³⁷ Грот – неглубокая пещера со сводчатым потолком и широким входом, либо расширение пещеры после узкого прохода.

– А не боитесь, что вас украдут? – парень с красной банданой на шее протиснулся поближе. Вопрос был адресован Цаце, при этом он неотрывно смотрел на Кнопу.

Та почувствовала его приближение и взглянула – подбородок неизменно вздернут, надменный царственный взгляд.

Цаца захохотала, запрокинув назад голову и замахала руками:

– Нет! Нет! С нами же мальчишки! Мы их по бокам кладем и совсем не страшно!

– Не могу поверить, – спокойно, с улыбкой он обращался уже к Кнопе, – такие красавицы, – он сделал попытку поймать ее взгляд – безрезультатно, – должно быть, они вообще не спят и вас охраняют.

Цаца снова расхохоталась.

– У меня предложение, – сказал он. – У нас с собой «Монополия»³⁸. Сыграем? С меня нефильТРованное пиво, кальмары или чай с лимоном, если вдруг кто-то спортом занимается, – пошутил он. А еще могу предложить грильяж в шоколаде. Что скажете? – Он выжидающе посмотрел на Кнопу.

---

³⁸ «Монополия» – настольная игра в жанре экономической стратегии для двух и более человек.

Все, что она могла сделать – скользнуть по нему взглядом и уставиться в пол с видом оскорбленной особы.

– «Монополия» – это здорово, да? – Цаца повисла на руке Кнопы, заглядывая ей в глаза.

Кнопка пожала плечами, продолжая рассматривать пол.

– Если не устраивает перечисленное меню, – парень с мягкой улыбкой смотрел на Кнопку, – готов выполнить любое ваше пожелание. Размещайте заказы, – он чуть поклонился и широко улыбнулся.

Кнопка стояла как вкопанная.

– Не требуется... Спасибо... – выдавила она.

Цаца почувствовала, как спина и руки Кнопки напряглись, и немного грустно, с сожалением, сказала:

– Здорово... Хорошо... Мы подумаем... Вы же в седьмом вагоне? – парень кивнул. – Мы придем... если что... – и потянула Кнопку в вагон.

– Хорошо... – немного растерянно проговорил он.

Когда дверь в тамбур захлопнулась, Цаца протащила подругу к окну в проходе и набросилась на нее, как коршун:

– Ты что? Обалдела? Зачем ты его так уделала? Парень нормальный, это ведь видно! Нельзя же убивать людей только за то, что ты им понравилась!?

Кнопка стояла на удивление тихо, опустив голову.

– Он же нормально проявил внимание! – продолжала тираду Цаца, – я знаю твои требования, и даже в твои драконовские правила он вписался! – Цаца резко выдохнула и уже с сожалением, тихо сказала, взяв Кнопку за плечи:

– Он был неприятен тебе. – Прозвучало как утверждение. Та медленно покачала головой.

– Но что тогда? Я хочу понять...

Кнопка подняла на нее глаза полные слез, готовых вот-вот пролиться:

– Я не знаю...

Цаца с болью смотрела на подругу.

– Со мной в такие моменты что-то происходит... Я как будто деревенею...

– Ты вела себя так, будто тебя оскорбили в лучших чувствах.

– Да, я знаю. Но это единственное, что мне доступно в такие моменты. Не могу я ответить на симпатию вот так, сразу...

– Они должны доказывать ее тебе? – как бы размышляя протянула Цаца, – Но... ты не дала ему ни единого шанса, даже не улыбнулась, чтобы он понял намек, принял приглашение на такую изощренную игру... Бедный...

Кнопка вскинула глаза на Цацу:

– Я не специально! Но ничего не могу с собой поделать, – и снова опустила голову.

– Да, я никогда не видела тебя кокетничающей с кем-то. Ты всегда такая строгая, серьезная... – рассуждала вслух Цаца.

Кнопка только шмыгала носом и кивала.

– Ладно, все хорошо будет, – Цаца обняла подругу, – но я ведь не ошиблась, он понравился тебе? – и она хитро прищурилась.

Кнопа подняла на нее глаза и улыбнулась. Когда они вернулись в свое купе, по виду Кнопы невозможно было догадаться, что несколько минут назад из ее глаз текли слезы.

Паша и Жанна

Ромео и Джульетта или...

Джульетта и Ромео

Они познакомились в столовой телецентра «Останкино». Паша не смог оторвать глаз от застенчиво улыбающейся девчонки с косой челкой и аккуратными красными губками-бантиками. Она просеменила мимо него к дальнему столику у стены. Шаги мелкие, частые, так ходят японки в кимоно и сабо. Паша вдохнул обволакивающий, нежный шлейф духов, и сам не заметил, как оказался сидящим напротив нее с обалделой, глупой улыбкой и все еще держащим свой поднос с обедом на весу. Она подняла глаза, щеки вспыхнули мгновенно, зелень глаз стала сияющей, увлажненной. Он улыбался и смотрел, она отводила уже слегка напряженный взгляд.

– Павел... меня... Павел зовут, – протянул он, пытаясь поймать ее взгляд.

Возникла пауза. Сердце его бешено колотилось:

– Как вас зовут?

Снова пауза. Тут ее взгляд скользнул по зависшему в воздухе подносу. Побелевшие костяшки пальцев, сжимающие его так сильно, что компот почти полностью расплескался, и открытая улыбка решили его судьбу.

– Жанна, – ангельским голоском пропела девушка и улыбнулась в ответ.

Вечером того же дня они вместе вышли из дверей «Останкино» и гуляли до утра по влажным майским улицам.

Цацу чуть не стошнило, когда она услышала эту романтическую историю. К Жанне она относилась снисходительно – не замечала ее. А вот Паша раздражал ее безумно. Одно то, что он без конца хвастался, выводило Цацу из себя.

После окончания журфака Паше посчастливилось попасть на телевидение. Его дядя был главным оператором на первом государственном канале. Но, как ни странно, это не сыграло никакой роли. Дядя – алкоголик в завязке, замкнутый, еще более хмурый в недолгие периоды ремиссии, – не питал родственных чувств ни к кому, кроме собственной матери. Но у него была женщина, Раиса Степановна, из тех ангелов-хранителей, которые иногда необъяснимо проникаются сочувственной любовью к подобным «непризнанным гениям» и вытаскивают их из запоев. Потом читают им наставления, окружают заботой и нежностью до следующего срыва, и все повторяется.

На одном из семейных торжеств Раиса Степановна надела на Павлика с вопросами о будущем. Тот простодушно ответил, что еще не думал, надо разделаться с госэкзаменами. Милая женщина привычно взяла мужские проблемы на себя и подыскала ему место на известном скандальном телеканале. Раиса Степановна была всего лишь администратором какой-то маленькой фирмочки, пригревшейся в телецентре, но не имеющей отношения к индустрии телевидения, но это не помешало ей занять связи по всему корпусу.

Работа оказалась не такой интересной и уж точно не приводящей к популярности и журналистской славе. От Паши требовалось в основном одно – брать интервью у прохожих на улице. Затем отснятый материал монтировался и шел как вспомогательный видеоряд к теме какой-нибудь передачи. Надо ли говорить, что сам Паша никогда в кадре не появлялся.

Но свое положение не виделось ему удручающим, может быть, потому, что вокруг было столько знаменитостей! В коридорах можно легко встретить и Туту Ларсен и Дану Борисову, и даже самого Леонида Парфёнова. И это далеко не весь список звезд, который Паша так любил перечислять в кругу своих друзей и знакомых.

– Иду я по лестнице, вернее бегу, – надо срочно найти системщика. Сворачиваю в коридор, еще толком не освоился в останкинских лабиринтах, ищу нужный номер комнаты,

и вдруг – бац! Налетаю на кого-то. Бумаги, папки – в разлет по всему коридору. Я начинаю судорожно собирать их. И тут этот человек, на которого я налетел, тоже наклоняется, чтобы помочь мне, но как-то странно это делает... Ноги не сгибает, носки врозь, но это же просто неудобно! Смотрю, а это Васечкин³⁹! Вернее, Егор Дружинин⁴⁰. Ну, он еще хореографом на «Фабрике»⁴¹ был.

Подобные истории затем обрастали несуществующими подробностями. Чаще всего они заканчивались дружеской беседой и обменом любезностями со знаменитостью. Цацу корежило от этого: «Я знаком с этим», «Говорил с этим», «Видел того-то», «Пересекался с тем-то»...

– Да что ты САМ сделал?! «Я! Я!», – передразнивала его Цаца, – головка от патефона! Эти люди своим делом занимаются. Они что-то сделали в этой жизни, а ты к их славе примазываешься. Знаком, видел – ну и ладно! Сам в этой жизни соверши поступок – потом хвастай, – каждый раз презрительно выговаривала ему Цаца.

---

³⁹ Васечкин – герой двух детских советских фильмов 80-х годов.

⁴⁰ Егор Дружинин – актер, хореограф. Прославился после того, как сыграл главную роль в фильмах «Приключения Петрова и Васечкина» и «Каникулы Петрова и Васечкина».

⁴¹ «Фабрика звезд» – телевизионный музыкальный проект, направленный на поддержку молодых исполнителей.

Пашу это оскорбляло, но не надолго. В глубине души он даже с чем-то был согласен. Но эта ужасная манера Цацы – расстреливать его презрением каждый раз, когда он восторженно живописал случаи из жизни телецентра, – его злила. Так они несколько раз схлестнулись, и потом Паша старался сдерживаться в ее присутствии. Но иногда его все-таки уносило в хвостовство, и он снова получал свою пулеметную очередь от Цацы.

А вот Жанна смотрела на Пашу, как на героя. Что бы он ни говорил, ни делал. Им было хорошо вместе. Тот самый период в жизни молодой пары, когда каждый безоглядно любит, не замечая недостатков другого. И мир вокруг кажется идеальным, добрым и солнечным. А внутренняя тень каждого влюбленного пока мирно спит, накапливая силы, жир, энергию.

Жанна определилась с профессией еще в пятом классе. Ее привлекало все красивое, и вокруг себя она любила создавать уютную, праздничную атмосферу. Сразу после окончания девятого класса она поступила в колледж и в неполные девятнадцать лет имела диплом парикмахера-визажиста. В ее одежде не было случайных деталей. Каждый аксессуар о чем-то говорил и должен был нести окружающим какую-то определенную информацию о ее личности на сегодняшний день. Цаца долго не могла прийти в себя от ее

«носочков под цвет глаз» из прошлого похода. Тогда дождь лил не переставая трое суток, и единственным требованием к одежде была водонепроницаемость, но Жанна все равно продолжала следить за цветовой гаммой своего гардероба. А окончательно Цацу добил заяц. Простой, плюшевый, довольно уже потертый заяц, с длинными лапами, ушами и круглым пузом. Какая-либо из конечностей постоянно торчала из рюкзака Жанны во время переходов. Идя друг за другом по узкой тропе, кто-нибудь обязательно упирался носом в это плюшевое недоразумение.

На, как казалось Цаце, тактичный вопрос «ЧТО ЭТО?», Жанна, протягивая второй слог и хлопая ресницами, ответила: «Ушастик». Цокнув языком и картинно закатив глаза, Цаца пробурчала что-то неразборчивое и быстрым шагом направилась вперед. Больше к этому вопросу они не возвращались. И Цаца честно старалась забыть о зайце, чтобы не раздражаться.

Жанна попала на работу в телецентр, откликнувшись на стандартное объявление одной из газет с вакансиями. Затем успешно прошла собеседование и воодушевленно приступила к своей первой в жизни работе. Это лишь кажется, что в «Останкино» вход открыт для избранных. Например, чтобы устроиться администратором, подбирающим статистов, зрителей для бесконечных дневных телешоу, особого таланта не требуется. Эта вакансия открыта всегда, так как у любого человека, даже беззаветно любящего телевидение,

существует конечное количество знакомых и родственников, способных выручить его своим присутствием на съемках в определенный день и час. И рано или поздно они выдыхаются, чувствуя полную безысходность и бессилие от необходимости очередного набора группы из шестидесяти человек. А вот позиция парикмахера-визажиста, гримирующего и причесывающего тех самых статистов, была более-менее стабильной и надежной. Тебе подгоняют группу разношерстных личностей, твоя задача – привести их в надлежащий вид. Как правило, людям нравилось видеть свой посветлевший облик, и они сердечно благодарили Жанну за это. Платили немного, ссылаясь на «престиж» работы на телевидении, рабочий день был ненормированным, но Жанну все устраивало.

***

– Эй, голубки! Вы идете или как? – Боля кричал, стоя на выходе из сувенирных рядов симферопольского рынка.

Паша и Жанна растерянно искали его глазами.

– Я здесь! Идите сюда!

Они не размыкая объятий стали просачиваться сквозь плотную толпу. Пара подошла ближе, и Боля понял причи-

ну заминки. Жанна держала в руках довольно симпатичную фенечку, сделанную местными умельцами. Она продолжала уговаривать Пашу надеть ее. Тот что-то неуверенно канючил, уткнувшись в ее шею и продолжая обнимать.

– Боля, ну скажи, что она милая? – обратилась Жанна за поддержкой к другу. Капризные нотки в ее голосе всегда звучали нежно. – Я хотела сделать Паше приятное, а он не хочет даже примерить...

– Паша, как ты можешь! – и Боля загоготал.

Паша, припертый к стенке, ненавидящий всю эту сувенирную дребедень, решил сдаться. И тут же был вознагражден поцелуем и сиянием любимых глаз. Он решил, что не такая уж это и жертва за такой бонус. Ну и что, что он будет носить эту бессмыслицу весь поход, зато Жанна довольна и счастлива, а значит и он доволен и счастлив. А большего ему и не требуется.

Боле пришлось силой прервать их затянувшееся воркование. Он взял обоих под руки и почти насильно вывел за пределы привокзального рынка, подальше от сувениров.

АНТОН

Бабло побеждает зло, или Чебурашка, у которого нет друзей

Антон и Вика росли в одном дворе. Все беззаботное детство они носились сломя голову, играя с другими детьми в Казаков-разбойников, *выбивного*⁴², слежку за случайным прохожим, или покоряли огромное дерево высотой с пятиэтажку, стоявшее на пустыре за соседним домом. Командовала обычно Вика, но Антону это даже нравилось. Делала она это не демонстративно и громко, как другие, а молча обдумывала стратегию и потом твердо ее озвучивала. Антон был одного возраста с Викой, но всегда чувствовал ее особенную взрослость. Когда пришел подростковый возраст, Вика превратилась в застенчивую нескладную девчонку, которая густо краснела, почувствовав малейшую неловкость. Теперь она не спешила высказывать свои даже самые странные умозаключения. Антон заметил эту перемену, но никак не мог взять в толк, что же случилось с его *дружбаном Видулей*. Через пару лет, когда и он начал стремительно взрослеть, новая Вика стала вызывать у него новые, еще никогда не испытываемые ощущения. И думал о ней он теперь как-то по-другому. Мысль, что он влюбился, посещала его, но была

---

⁴² Выбивной – детская игра с мячом.

недоказуема. Все сомнения отпали, когда они вместе пошли летом на ставок⁴³. И он, обожающий нырять и переплывать ставки на скорость, так и не смог раздеться и искупаться. Сидя на пляже одетым, он неотрывно глядел на Вику в голубом с крупными цветами купальнике.

Родители отдали их учиться в разные школы. Но Антон часто встречал Вику после занятий и они вместе шли домой, болтая обо всем на свете.

А потом влюбилась Вика. По уши. Не в Антона. Любовь оказалась невзаимной. Своими страданиями она делилась с Антоном, не понимая, как ранит его поток этих чувств к тому, другому парню. Его рвало на куски от злости, непонимания, почему Вика предпочла не его. Но он молчал стиснув зубы, надеясь, что сама поймет, как он к ней относится.

Через год Вика уехала учиться в Москву. Поначалу они переписывались, иногда говорили по телефону. Постепенно общение сошло на нет. Высказывания Антона по любому поводу становились все более резкими, безапелляционными, критикующими всех и все. Будь то внешняя политика страны или рождение второго ребенка у одного из его одноклассников, рано создавшего семью, которого Антон раньше называл другом. Сейчас же эта категория – друг – выпала из его карты мира. Он погрузился в более интригующую и выгодную атмосферу коллектива ведущей компании-производителя кондитерских изделий на Украине. Положение

---

⁴³ Ставок (укр.) – пруд, запруда.

в стране было тяжелое. Родители и Антона и Вики в полной мере ощутили это на себе. Тем более значимо было устройство Антона на такое перспективное место работы.

После окончания четвертого курса Донецкого Государственного Университета Антон самостоятельно прошел непростой отбор и был приглашен на должность рядового менеджера по продажам в филиал той самой компании.

Организация исповедовала семейный стиль работы. Каждый сотрудник кому-то кем-то обязательно приходился. Случайных людей не допускали в святая святых. Видимо, в связи с расширением был объявлен конкурс. Судя по заданиям тестирования, искали гениев, не меньше.

В период ожидания результатов конкурса, накануне отъезда Вики в Москву, они увиделись в последний раз перед долгой разлукой. До полуночи гуляли по пустынным улочкам родного города, прошли по жухлой траве берега реки Солёная. Антон тогда еще был легкий, смешливый, теплый. Вика чаще молчала, с удовольствием слушая его неиссякаемый поток красноречия.

Когда пришло время проститься у подъезда ее дома, Вика совсем загрустила. Вздохи, незаметные для нее, то и дело прорывались в затянувшихся паузах. Антон не чувствовал своего напряжения. Он был собран и сосредоточен, как спортсмен перед прыжком. Сердце четко, сильно пробивало изнутри грудную клетку. Вика еще раз вздохнула, подняла глаза на Антона и прижалась к нему по-детски, забрав кулач-

ки под подбородок, положила голову к нему на грудь. И он ее обнял. По-другому, не так как раньше. Вбирая всю ее в себя, хотя руки при этом бережно сжимали ее плечи.

– Я люблю тебя. – Глухим, чужим, но твердым голосом произнес Антон.

Несколько секунд он еще чувствовал в своих руках ослабленное, податливое тело, но вдруг оно застыло, превратилось в камень. Вика отстранилась, удивленно, с нескрываемым страхом, посмотрела ему в глаза.

Раз, два, три, четыре, пять... Эти несколько секунд длились для каждого из них вечность. И тут губы Антона растянулись в ухмылке, как обычно, когда он подшучивал над кем-то не по-доброму, а с подковыркой:

– В смысле – приезжай почаще, скучать буду! – он неуклюже засмеялся.

Вика еще раз взгляделась в его глаза. Там застыл живой огонек, который, исчезая, сделал взгляд жестким, хотя губы по-прежнему улыбались.

Антон выбрали среди тридцати пяти кандидатов. Несколько раз он выходил на связь, обсуждая с Викторией новую для него сферу и способы выживания в непростых офисных

интригах. Он чувствовал себя аборигеном на далеком острове. Казалось, что все эти люди устроены как-то иначе. Как можно объяснить желание утопить другого во что бы то ни стало? А потом преподнести утопленному эту гадость под соусом «тяжело-в-учении-легко-в-бою», претендуя на роль доброго наставника, пользующегося запрещенными болезненными приемами исключительно во благо?

Ситуацию с признанием они не обсуждали, избегая даже намек на нее. Вика не хотела принимать реальность, в которой Антон любил ее не как друга. Но уверить себя в обратном не получалось. В памяти непрошено всплывали события, говорящие о его чувствах. Но Вика тогда не могла даже помыслить о такой вероятности, она вообще всего этого не замечала. Оглушенная его признанием, сбитая с толку, она понимала лишь одно – она не может ответить ему взаимностью. Но и смелости открыто сказать об этом ей не доставало.

В телефонном разговоре теперь Антон ограничивался общими фразами, а Вика, чувствуя что-то похожее на вину, старалась говорить более воодушевленно, иногда даже заискивающе, от чего потом ей становилось тошно. Ей хотелось как-то поддержать его, ободрить. Но его тон от этого становился жестче. И, вспомнив фразу: «Не унижай жертву своим запоздалым сочувствием»⁴⁴, она оставила эти попытки.

Постепенно для Вики общение с Антоном наполнилось

---

⁴⁴ Фраза Лестата из книги Э. Райс «Интервью с вампиром».

тяжестью и неизменным неприятным осадком, сохраняющимся еще несколько дней после их разговоров. Она чувствовала возникший барьер между ними, отдаление вкупе с неприятным холодком. Но больше всего ее удивляло постепенно появившееся в Антоне высокомерие, уничижительная оценка всех людей без разбора. И еще она заметила, что для него начался период обесценивания: все темы сводились к материальным ценностям. Антон теперь, после года работы, оценивал, например, уровень семейного благополучия исключительно в цифрах: совокупный доход участников ячейки общества, наличие активов в виде квартиры, дачи, машины и полезных связей. А когда Вика приводила в качестве аргумента счастливую семейную жизнь его же родителей, он сразу переводил разговор на другую тему.

Хвастаясь своими крупными приобретениями: машиной, поездкой в Таиланд, соскальзывал в сравнения: «Я не Шурик (тот самый друг-одноклассник, у которого родился второй ребенок) – я не понимаю, как можно детей заводить, когда ты сам на ноги не встал. Сколько он зарабатывает? Да это смешно. Плодят нищету. Думать надо было раньше. В крестные меня зовет. Знаю зачем: чтобы подарки хорошие дарил». Тут Вика не выдерживала: «Антон, я знаю Шурика и жену его, у них хорошая семья! Да, они не доучились, потому что первый ребенок появился и Шурику пришлось пойти работать. Но у них прекрасные отношения. Я видела их вместе, они заботятся друг о друге, о дочери, и выглядят влюбленными,

как раньше. Да и к тебе относятся хорошо, другом тебя по-прежнему считают».

Подобные стычки стали происходить все чаще и чаще. Вика избегала разговоров с Антоном, не поднимала трубку, «забывая» потом перезвонить. И общение прекратилось.

Когда Вика навещалась домой, Антона она не видела. До нее доходили новости от общих знакомых, что он меняет девушек как перчатки, купил квартиру в центре Донецка, крайне редко бывает у родителей и окончательно перестал поддерживать связь со старым другом и его семьей. Вика каждый раз расстраивалась, узнавая подробности о новом образе жизни Антона. Встреч с ним она не искала, но мысленно конструировала возможное неожиданное их пересечение. Что тогда будет? Как эта встреча пройдет? Ей не хватало того, прежнего Антона, с его потоком разговоров обо всем на свете. Антона, на которого всегда можно было положиться, с кем можно было поделиться своими мыслями, взглядами на жизнь.

На исходе третьего года взаимного молчания ей приснился сон, вернее, серия похожих снов об Антоне. В них он метался, что-то искал, о чем-то просил, а потом застывал на месте и не двигался. Вике и раньше снился Антон, но те сны быстро забывались, оставляя грусть. Она рассказала об этом Кнопке, которая, как всегда внимательно выслушав, поставила диагноз:

– Повторяющиеся сновидения. Свидетельствуют о какой-то нерешенной проблеме, которая уже стучится, но не осознается человеком до конца.

Вика удивленно смотрела на подругу:

– Но... вроде как ОН там мучается, а не я.

Кнопка, выдохнув, решила ответить просто и прямо:

– Звони ему. Возможно, с ним что-то происходит.

Вика несколько дней не решалась набрать его номер, а потом написала короткое СМС: «Привет. Как ты? Снилось мне». Не успела она закрыть приложения в телефоне, как тот, вибрируя, зазвонил.

– Привет! Ты у родителей? Я приеду вечером, после работы. Сможешь? У тебя все хорошо? – Поток вопросов сыпался на Вику. Она только улыбнулась и ответила:

– Да.

Среди «активов» Антона за период его работы в ведущей компании Украины значились:

1) Успешный карьерный рост: от менеджера по продажам в Донецком регионе до начальника отдела, а потом и депар-

тамента.

2) Квартира в центре Донецка.

3) Евроремонт в квартире с привлечением лучших дизайнеров.

4) Новая машина известной японской марки, белого цвета.

5) Возможность и посещение три-четыре раза в год различных зарубежных курортов.

6) Дорогие швейцарские часы.

7) Язва желудка.

8) Невроз навязчивых состояний.

9) Бессонница.

10) Молоко вместо виски «Jim Beam».

Они неприкрыто рассматривали друг друга.

– Ты изменился, – Вика не могла понять, в чем именно, но перед ней стоял совершенно другой человек. Похожий на Антона, но вместе с тем было в нем что-то новое, отгаликующее. Может быть, искусственная доброжелательность, уже привычно встроенная в улыбку, и оценивающий взгляд с ног до головы и обратно, впервые примененный к ней?

Пока Вика размышляла, глядя на этого похудевшего, загорелого, самоуверенного молодого человека в дорогом костюме, он привычным, хорошо знакомым ей жестом попра-

вил волосы, и у нее на душе немного потеплело. Она узнала в этом *своего* Антона.

– Ты тоже другая, – он продолжал рассматривать ее так, как будто она попросила оценить ее новый наряд.

Вике это не понравилось, она, нахмурившись, не отводила от него возмущенного взгляда. Антон, казалось, не замечал ее реакции.

Он подчеркнуто галантно распахнул перед ней дверь машины. Она забралась на переднее сиденье, игнорируя его руку помощи. Весь вечер они медленно колесили по знакомым улочкам. Антон то и дело останавливался, иногда посередине дороги, обдумывая какое-то высказывание Вики или погружаясь в собственные мысли, а потом плавно жал газ, и скольжение продолжалось. Было в этом что-то пафосное и естественное одновременно. Как будто в этом городе они были одни и, предаваясь неспешным размышлениям, текли густой массой, заполняя собой пустынные вечерние улочки.

Возвращаясь к этой встрече, к своим ощущениям тогда и сейчас, анализируя их, Вика не сразу уловила ту пропасть, которая разделяла их с Антоном сейчас. Он говорил привычно много, но без какой-либо конкретики. Общие фразы, философские вопросы, и все это с чувством, с силой, нервно, но все равно абстрактно. Так, будто беседовал с собой наедине или с незримым внутренним наставником, пытаюсь разо-

браться в чем-то, найти ответы. Но ответы постоянно ускользали, запутывая его все больше и больше. Тягучий тон размышлений сменялся жесткими, рубленными топором принципами:

– Я говорю своим подчиненным: ты работаешь не на себя, ты работаешь на хо-зя-и-на. А, значит, что скажут, то и будешь делать, либо вали отсюда на все четыре стороны. Скажут выйти на работу в субботу – улыбаемся и машем – выходим и работаем. Скажут, что ты дурак, – соглашаемся и приносим извинения. Все. И это правильно.

Говорилось это в каком-то запале маниакальной веры. Вика, захлебнувшись от возмущения, негодования, хотела обрушить на эти безумные установки свой гнев отвращения и разнести их к чертовой матери! Но ей хватило нескольких секунд, чтобы всмотреться повнимательнее в лицо Антона, говорящего эти ужасные, постыдные, уничижительные вещи, и мгновенно остыть, и даже заледенеть. *Он ее не услышит.* Это она поняла четко и ясно. Тролли разбили зеркало, и один осколок достался Антону. Вика обмякла, отстранилась, глядя в боковое окно на редких прохожих. Тело наполнилось тяжестью бессилия. Антон продолжал диалог с самим собой. Теперь Вика, выпав из круга, со стороны наблюдала за ним. Звук как будто сделали тише, а потом совсем отключили, и она с болью и непониманием следила за спектаклем

одного актера. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя в большей изоляции, чем сейчас. Постановка «Гамлета» – хаотичное метание несчастной души по сцене. Да, похоже, только пошло, мелко, грубо, тошнотворно.

Подъезжая к дому Вики, он вдруг стал беззаботный, веселый, принял вид человека, у которого все в жизни складывается отлично.

– А я спрашивал, куда ты едешь отдыхать?

– Нет, – коротко ответила Вика.

– Ну и куда? Таиланд? Гоа? Или банально в Турцию?

– В горы. Мы с друзьями едем в Крым. Горный поход.

– Горы? – на секунду Антон опешил. – Зачем? – он брезгливо скривился.

Вика посмотрела на Антона. И, вздохнув, не надеясь на понимание, ответила:

– Очиститься...

– И вы там не моетесь? Ходите грязными? Фу... Нет, я этого не понимаю. Я люблю комфортный отдых. Пять звезд,

все включено, вот это – вещь! А еще – обязательно оранжевые шорты! Я тебе советую тоже приобрести. Настроение поднимают – улет просто! Да откуда вообще эти горы взялись? Зачем это? Тащить тяжести наверх, спать на земле.... Бред какой-то.

– Я и не надеялась на понимание, – ровно сказала Вика и взялась за дверную ручку, – мне пора. Хорошо, что увиделись.

– Ага, счастливо! – он растянул губы в улыбке и помахал рукой.

Вика плавно захлопнула дверь машины, сделала два шага и вернулась:

– Мы моемся. Каждый день. За редким исключением. Для того чтобы спать «на земле» есть специальное снаряжение. А, вообще, не важно все это. Горы – это для живых. Они делают нас *живыми*. После них я вижу реальность, а не матрицу. Вот так, – уже более устало добавила она, – спокойной ночи, – и дверь захлопнулась.

Подойдя к подъезду, она повернулась и бросила взгляд на стоянку. Машина была на месте, фары включены. Вика устало шагнула в полоску тусклого света.

***

«Когда ты не спишь несколько дней, все вокруг становится нереальным» – эта фраза из известного фильма стучала в висках уже несколько дней своей абсолютной истиной. Бессонница вернулась, стала еще мучительнее, чем раньше.

Вспоминая встречу с Викой, Антона кидало от безусловной веры в правильность своего поведения до морального унижения себя, ощущения собственной ничтожности. Сейчас в его жизни все было не так просто и безоблачно, как он пытался показать. И ему все сложнее становилось удерживать шоры на глазах. Он боялся впасть в истерику, если признает правду, правду своего полного, как ему казалось, провала.

Два месяца назад его опустили по карьерной лестнице. Это было разыграно как по нотам. Ему же отводилась роль болванчика, шута, мальчика для битья. К тому моменту Антон достиг высшей планки, исходя из возможностей чужого семейного бизнеса. Начальник отдела.

К его мнению прислушивались: все-таки хорошее образование, да и работа по профилю. Даже несколько смелых масштабных проектов ему удалось воплотить, получив согласие высшего руководства в лице госпожи Сониной и ее мужа. Конечно, пришлось попотеть, доказывая их выгоду для компании, и несколько раз решение откладывалось. Но в большин-

стве случаев выигрывал Антон. Как правило своей осторожностью, умением ждать, и по-настоящему хорошими знаниями экономических аспектов коммерческой деятельности. Хвалить подчиненных в компании было не принято, но его удовлетворял сам факт победы.

В отдел к Антону взяли нового сотрудника. Юноша с копной кудрявых каштановых волос, мечтательно-отстраненным взглядом, по имени Миша, невыгодно отличался от других менеджеров. Так как потребности в кадрах не было, Антон решил аккуратно навести справки, откуда это чудо на него свалилось. Удалось узнать самое главное: малыш не состоял в родстве с владельцами компании Сониными. А это означало: привилегий он лишался полностью. Антон ввел его в коллектив, прикрепил к наставнику, и будни потекли своим чередом. На второй неделе после начала работы Миша заболел. На звонки не отвечал, в офис явился в следующий понедельник цветущий, загорелый и еще более безразличный к работе. Антону это не понравилось, хотя больничный лист Миша предоставил. А потом начались бесконечные опоздания с неуклюжими извинениями, которые вскоре заменило простое пожатие плечами. «Ну, так вышло» – равнодушно говорил он при этом, глядя прямо в глаза Антону. «Я тебя уволю, если будет так продолжаться», – злился Антон и получал в ответ очередное пожатие плечами. К тому же наставник Миши уже выл от своего подопечного. Тот актив-

но кивал и угукал, когда ему объясняли особенности работы, но когда доходило до дела, Миша, не вникая в суть, сразу подходил к наставнику и просил помощи. При этом задавал такие вопросы, что становилось ясно: он пропустил все мимо ушей.

Антон, конечно же, такое положение вещей не устраивало. Он про себя называл Мишу *обузой на окладе* и еще одним крепким словцом. Так как ни разговоры, ни просьбы, ни приказы не имели действия, он решил предложить своему руководителю уволить Мишу. Сделал он это незамедлительно, как только удалось попасть на прием.

На следующий день его вызвала к себе госпожа Сони-на. Такое событие случалось крайне редко, только в исключительных случаях. В кабинете присутствовали коммерческий директор, директор по развитию, директор по международным отношениям, непосредственный начальник Антона и господин Сонин. «Странный состав», – подумал Антон. Присесть ему не предложили.

– Твой отчет. Как это понимать? Что это?! – шипела угрожающе Сони-на.

Она кинула файловую папку на стол, бумаги проехали до середины, и начальник Антона заботливо пододвинул их к нему. Антон смотрел на цифры в отчете и не мог понять, что здесь не так. Стандартный отчет, который стряпал-

ся каждый месяц исходя из чуть приукрашенной реальности. Причем приукрашенной по приказу его непосредственного руководителя, являющегося племянником госпожи Сониной. Но даже это не тянуло на встречу такого высокого уровня. Корректировались абсолютно все отчеты, но адекватно, чтобы это не имело глобального влияния на картину в целом. Так сказать, тюнинг при фирменном заводском фарше.

– Я хотел бы узнать, в чем именно состоит ошибка? – акkuratно поинтересовался Антон. – Что не так?

И на него обрушился ушат грязи. Госпожа Сониная не стеснялась в выражениях. Он стоял и смотрел на женщину под пятьдесят, с продуманным макияжем, в деловом костюме с глубоким неделовым декольте и перекошенным от злости лицом. Антон, оглушенный, не понимал, за что его так жестоко опускают. Весь этот крик, мат молодящейся дамы, вальяжно развалившиеся в креслах мужчины, отчет в руках и запах офисного ковролина – все это смешалось и существовало при этом как-то по отдельности. Антон как будто видел себя со стороны. Доказывать что-либо было бесполезно, даже открывать рот – бесполезно, все равно что свидетельствовать против себя в суде.

Когда кошмар закончился, он вернулся на свое рабочее место, мешком рухнув в кресло. Через несколько минут сек-

ретарша поманила его пальчиком в кабинет босса.

Разговор был коротким:

– Вот приказ о твоём переводе в офис на Ясневской, 17. Твой оклад остается, правда, проценты получать не от чего. Подчиняешься по-прежнему мне.

– Ясневская, 17? Это разве не склад?

– Совершенно верно. Задание получишь от меня по электронной почте.

Вот так Антон оказался на складе. Среди коробок с конфетами стоял его рабочий стол, а рядом, пошатываясь, таскались пьяные грузчики. Начальник склада косо смотрел на *засланного казачка* из офиса и здоровался через раз. Задание от своего босса Антон так и не получил. Приходили лишь мелкие поручения от его зама. Ситуация подвесила Антона между небом и землей. Его не уволили, но при этом лишили всего. Деньги платили, но ощутимо меньше, хотя, учитывая ситуацию в стране, эту сумму вовсе нельзя было назвать прожиточным минимумом, да и накопления имелись. Но больше всего Антона выбивало из колеи другое. Голова разрывалась от предположений, почему все так произошло? Какая *настоящая* причина? Версию Сониной об отчете он отмел сразу: слишком хорошо был знаком с внутрен-

ним устройством компании. Но что тогда? Все варианты разрушались, не выдерживая маломальского анализа. Получается, его наказали? Ведь если бы инцидент с отчетом был серьезным проступком, равноценным реакции Сониной, то его бы уволили в одну секунду и все. А тут – ссылка. Значит хотят, чтобы он что-то понял. Но что? Вопросы сыпались, мозговая жвачка обессиливала, доводя до иступления.

Поначалу Антон очень жалел, что потерял место, корил себя за всякие мелочи. Думал, что надо было вообще рта не раскрывать в ее кабинете или потом прийти и поговорить, даже извиниться. Но за что?

Картинка сложилась после случайной встречи в супермаркете. Антон с пакетами продуктов пробирался к выходу, когда заметил Мишу, своего недавнего подчиненного. С бутылкой мартини и небольшим тортом, тот тоже лавировал между покупателями. Антон, находящийся уже месяц в изоляции, без какой бы то ни было информации о том, что творится в офисе, даже обрадовался этой встрече и стал усерднее протискиваться к выходу. Он увидел машину, в которую сел Миша. За рулем была госпожа Сониная. С закрытыми глазами, с явным удовольствием, обхватив двумя руками лицо юноши, она целовала его.

Тут же в памяти пронеслись обрывки фраз зама босса о каком-то Михаиле, возглавившем бывший отдел Антона. И картинка сошлась.

Антон был подавлен таким невероятно простым ответом

на все свои вопросы.

***

На следующее утро после встречи с Антоном у Вики раздался звонок:

– Возьмешь меня с собой в горы?

Уточнять причину Вика не стала.

***

– А почему три штуки? – Антон держал в руках конверт с билетами.

– Из Москвы едут шесть человек, а из Донецка мы втроем. – Ответила Вика.

– И кто этот третий? – сморщившись от неприятного предчувствия, спросил Антон.

– Макс. С нами едет Макс.

– Он? Зачем? Фу!

Антон ненавидел Макса еще со школы. В день рождения Вики тот любил объявлять всем, что имеет право первого танца с именинницей, это – традиция, и он ее чтит. Антона возмущала подобная наглость, но так как он не мог противопоставить еще более уверенное поведение и заявить, что Вика будет танцевать с ним, то каждый раз, промолчав, ненавидел себя за трусость. Относился Антон к популярности Макса с брезгливостью и завистью. Но эти чувства не были бы столь сильны, не будь между ними Вики.

Узнав о падении Макса, Антон был сильно удивлен. Затем к этому добавилось чувство превосходства с мимолетным легким привкусом возмездия.

Сейчас все позабытое как будто вернулось и накрыло волной прошлых переживаний. Но Антон знал лекарство от этого недуга – он поспешил напомнить себе, кто он сейчас и чего достиг в этой жизни. Сразу стало легче и внутренние весы уверенно склонились в его сторону. И Макс представился ему жалкой букашкой, а он сам – большим и сильным, смотрящим на жалкое насекомое через лупу.

Макс

Наш поезд идет не туда, или Принц на обочине

В эти глаза, в эту улыбку, в этот голос была влюблена вся женская часть школы №2 города Селидово, включая учителей. А мужская часть, в свою очередь, уважала и завидовала остроумию, успехам в учебе, спорте, любви, мечтая оказаться на его месте или быть похожим на него.

Да, Макс был всеобщим любимчиком.

Первый во всем. Будь то соревнования по боксу, олимпиада по английскому языку, истории или борьба в финале КВН между старшеклассниками и оторвами из горного техникума.

К моменту окончания одиннадцатого класса мир спорта жаждал его в свои профессиональные объятия. Учительница английского, прозванная Куклой из-за неизменного обильного, яркого макияжа, прочила ему успешную карьеру в сфере международных отношений. А любимая девушка, закончившая школу на год раньше, с внешностью блондинки из легендарной «Армии любовников», надеялась провести с ним романтические каникулы на берегу моря, а, возможно, и всю жизнь, если он это счастье предложит.

Сам Макс определился с выбором профессии еще в седь-

мом классе, когда к ним в школу по обмену опытом приехали американцы. Он был среди тех немногочисленных счастливицков, кого отобрали для помощи в организации приема дорогих гостей. Необходимо было вызубрить несколько фраз на английском, чтобы по утрам встречать делегацию и провожать на какой-либо урок, а также хотя бы отдаленно понимать иностранцев на случай, если школьной англичанки не окажется рядом, а произойдет что-то непредвиденное. Ему безумно понравилось общаться с гостями, говорить с ними на одном языке, хотя, конечно, его возможности были сильно ограничены школьной программой. Те две *американские* недели он провел, мотаясь счастливым по школе, успевая учиться и выполнять возложенные на него обязанности. Под мышкой у него всегда была зажата тетрадь в клеточку с отдельными словами и целыми фразами на английском, новые записи, в которой он делал каждый вечер.

Поступил Макс на иняз Донецкого Государственного Университета.

А еще Макс был окружен друзьями. Круг настоящих друзей был достаточно широк, и еще больше было тех, кто изо всех сил хотел принадлежать этому кругу. Макс купался во всеобщем внимании без разбора. Конечно, баловням судьбы не удастся избежать лицемерия, зависти, но эти внешние ловушки ему удавалось обходить стороной. Он был храним самой судьбой. А вот внутренний Минотавр оказал-

ся куда более хитрым и изощренным. То, что удача ему изменила и мир рухнул, Макс понял в конце второго курса университета.

– Я смотрел на своих друзей и не мог поверить, что они боятся. Боятся пустить меня в свой дом: вдруг я что-нибудь украду? Боятся одолжить денег: вдруг не верну? Но даже это не так страшно, как то, что им было противно иметь со мной дело. Нет, не то... Самое отвратительное, что каждый из них видел, что я качусь в пропасть, но никто, НИКТО, понимаешь, не сделал ни одной попытки, чтобы встряхнуть меня, поговорить, может быть, морду набить, ну хоть как-то дать понять мне, неразумному, заблудившемуся, что я убиваю себя!

Макс сидел на корточках у стены, с силой сжимая пустую сигаретную пачку. Руки его дрожали, скулы свело от сдерживания предательской глазной жидкости. Вика в оцепенении сидела на краешке лавочки и молча слушала, от волнения и сострадания вцепившись рукой в руку. Теплый вечер в парке около Дворца спорта. Редкие прохожие и странная пара у стены.

Макс и Вика с первого класса сидели за одной партой. Первые три года учебы можно было назвать романтической неразберихой. По странной иронии судьбы, они влюбились

друг в друга в течение этих трех лет, не совпадая во времени. Первым симпатию проявил Макс, который уже в восемь лет имел представление о том, как надо ухаживать за дамами. Он пригласил Вику на свой день рождения. Закончилось тем, как помнит Вика, что он прыгал на диване и громко рассказывал всем, как они «будут жениться», когда вырастут. Скромную Вику этим можно было только напугать. Потом еще пару месяцев Макс дергал ее за косички и подсовывал невзначай шоколадки и печенье. Вика только улыбалась и пожимала плечами. А еще через какое-то время он заявил, что ему нравится Маринка. Вика значения не придавала, возможно, потому что не находила в той самой Маринке никакого обаяния. Но Макс начал действовать. Он провожал ее домой и дергал за косички. Вику сначала это удивило, потом возмутило и... она влюбилась. После Маринки он влюбился в Наташку, а потом снова в Вику. И случилось это именно в тот момент, когда Вика обратила внимание на белобрысого Димку с белозубой улыбкой и челкой на один глаз. Промучившись всю начальную школу, их симпатии так и не встретились. Но две вещи оставались неизменными до окончания школы: они всегда сидели за одной партой и никогда не забывали поздравить друг друга с днем рождения. Когда стали старше, любовная дрожь утонула сама собой, и во время неинтересных уроков они могли свободно болтать о том, как обстоят дела у каждого из них в личной жизни. В школе все знали, что Вика находится под особой защитой, и к ней опа-

сались приближаться даже с безобидными шутками. А многочисленные девушки Макса почти не испытывали ревности к этому странному на их взгляд союзу.

– Я работаю на заводе. Мы производим полиэтиленовые пакеты. Смены отличаются друг от друга только картинкой, которая накладывается станком на полотно пакета. Вчера, например, был день леопарда. Это ходовое изображение, его заказывают в разных вариациях чаще всего. Под конец дня так насмотришься, что закрываешь глаза, – и эта большая пятнистая кошка начинает двигаться. – Спокойный, ровный тон Макса вколачивал в Вику слова гвоздями. Она молчала. Макс продолжал.

– Все началось на втором курсе. Мы чувствовали себя богами... Мы и были богами... С учебой – все прекрасно. Девчонки – выбирай любую. Не хватало только денег. Но и тут быстро сориентировались – подработки на рынках, заправках. Запах бензина до сих пор не могу выносить, – Макс слабо улыбнулся. – Наступила зима, холодно. Ну, ты знаешь какие у нас зимы: при минус пять с такой влажностью можно околеть, а работать приходилось на улице. Нам и предложил один паренек согреться. Конечно, ни о каких внутривенных инъекциях речи быть не могло, мы просто нюхали. Вещь дорогая, но вставляло по полной. Как зима прошла, мы и не заметили. Да и как встал вопрос о моем отчислении, я тоже,

признаться, не отследил. Даже это прошло тогда мимо меня. Сменились приоритеты, – сарказм, ухмылка.

Вика слушала и не могла поверить. Неужели перед ней тот самый Макс, который хватал звезды с небес?

– Я опускался все ниже и ниже. А знаешь, можно сказать, я эксперимент проводил. Как низко могу пасть. Конечно, я осознавал, что перехожу границы, что обратной дороги может не быть, но до конца не верилось, что ЭТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ СО МНОЙ. С кем угодно, но не со мной. И я наблюдал за собой как бы со стороны. Ждал, когда мои друзья запаникуют, поймут, и перестанут делать вид, что ничего не происходит. Это как идти в шлепанцах по дерьму. А я и шел по дерьму. Во вьетнамках. И чем дольше я шел, тем больше заляпывался дерьмом по самые уши.

– Макс, как же так... У меня в голове не укладывается... – только и могла выговорить Вика. Тот слабо улыбнулся.

Не к месту вспомнился случай в летнем лагере. Вика и Макс при распределении попали в один отряд. Им было лет по четырнадцать. У Вики появились новые подружки, с которыми она проводила почти все время. Макс, как всегда, был окружен свитой поклонников. Ближе к концу заезда на территорию лагеря стали проникать местные ребята. Они устраивали беспорядки, запугивали малышей, от-

бирали у них сладости, привезенные родителями, и карманные деньги. А вечером кружили вокруг лагерной дискотеки, высматривая симпатичных девчонок. Ходили слухи, что кого-то они сильно обидели, а кое-какие девчонки были не против их взрослых ухаживаний. Вика старалась держаться в тени, чтобы не привлекать внимания. Но за неделю до конца смены она столкнулась с двумя верзилами. Рыжий, с крупными веснушками и невытой головой отвесил грубый, как он считал, комплемент, а вот другой, со стеклянным взглядом черных глаз исподлобья, вызвал у Вики непроизвольную дрожь во всем теле. Именно о его ненормальности рассказывали девчонки. На следующий день она не пошла на дискотеку под предлогом плохого самочувствия. Макс не мог не заметить отсутствия Вики. Они мало общались, но друг о друге не забывали.

Когда все прояснилось, а для этого Максиму пришлось набраться терпения (она ни в какую не хотела признаваться в своих страхах), он погладил ее по руке, улыбнулся и сказал, что все будет хорошо.

На следующий день, возвращаясь из столовой после ужина, Вика обмерла от страха, увидев этого черноглазого ублюдка прямо около входа в свой корпус. Он оживился, оценивающе сверху вниз осмотрел ее и скривил губы в одобрительной ухмылке. Сомнений не было, тот ждал ее. Вика прошмыгнула в другой пролет и быстро, не оглядываясь направилась к своей двери. Черноглазый перепрыгнул через

перила и преградил ей путь. Его рука уже тянулась к ее запястью, как тут возник Макс. С улыбкой, вальяжно откусывая сочное яблоко, он похлопал его по плечу. Вика успела скрыться за дверью. Макс кивком указал на угол корпуса. Черноглазый последовал за ним. Девчонки потом рассказывали, как видели странную картину. Макса, с добродушной улыбкой вещавшего что-то, и самого черноглазого, почему-то постоянно кивавшего в знак согласия Максу.

Закончилось все крепким рукопожатием и исчезновением местных парней с территории лагеря до конца смены. Вот так Макс, чемпион по боксу, любил решать мужские проблемы.

Вика, шокированная его признанием, не могла поверить, что Макс стал наркоманом.

– А что сейчас? – робко спросила Вика.

Макс пожал плечами, продолжая крутить смятую пачку сигарет в руках.

– Я не употребляю наркотики... Но и не живу... Мой друг, Бабс, – ты его помнишь, мастер по тату, ему как-то удалось вернуться обратно. Он влюбился, женился, ребенок у него, девочка... Хорошенькая такая, милая... Работает он на шахте. И, знаешь, постоянно улыбается. От души, искренне, а я этого в себе не чувствую. Хожу часто к ним в гости и все пытаюсь отыскать эту струну, которая дает такую легкость,

легкость жить. А за Бабса я рад, он молодец.

– Макс, а как же университет? Как же язык, это ведь твое?

Макс улыбнулся одним уголком губ, мятая пачка полетела куда-то в темноту:

– Я все забыл, веришь? Смотрю тупо на текст и не могу перевести, хотя осознаю, что слова простые и я знаю их. Сейчас даже музыку на английском не слушаю, бесит. Хотя мама, моя милая мама, сколько она пережила со мной, поседела, постарела, – если бы не она, я бы сейчас с тобой тут не сидел, – она говорит, что я часто во сне что-то кричу на английском или диалог с кем-то веду.

Возникла пауза. В глубине парка послышался смех шумной компании.

– Какая учеба, Вика? Я себя не чувствую, меня просто нет.

– Когда у тебя отпуск?

***

– Знакомьтесь, это Антон, а это Макс, – сказала Вика.

– А я Цаца, – девушка кокетливо выступила вперед. – Как

настроение? Страшно?

– Цаца, отстань со своими страхами! Меня Боля зовут, – обратился Боля к ребятам. – А это моя сестра Лёля.

***

– Я так рада всех видеть! – Вика сияла. – У нас несколько задач до выезда. Купить воду: мальчики берут по одной двухлитровой бутылке, а девочки – по одной полуторалитровой, – это для общих нужд. Также каждый должен иметь пол-литровую бутылку для личных нужд. – Все понимающе закивали, кроме новичков. – Мы с Антоном и Максом купим хлеб, Цаца и Кнопа хотели в магазин снаряжения зайти. Время есть. Встречаемся у фонтана через сорок минут. Кто останется на рюкзаках?

Леля меланхолично подняла руку и улыбнулась.

– Хорошо. Мы скоро.

***

– I'm sorry, could you help us?⁴⁵ – две девушки доброжелательно и с надеждой смотрели на Макса.

В них не сразу можно было узнать иностранок. Одежда

---

⁴⁵ I'm sorry, could you help us? (англ.), – Простите, вы могли бы мне помочь?

стандартная – джинсы, кеды, хлопковые пиджачки, вот только сумки чудные, ненашенские и палантины, необычно завязанные вокруг шеи.

Макс заворуженно смотрел на них и молчал.

– Where a shuttle bus to Yalta?⁴⁶

Его улыбка стала еще шире.

– You are targeting in this area?⁴⁷ – Девушки не могли не улыбаться, глядя на реакцию симпатичного молодого человека.

И только Макс набрал в легкие воздуха, как позади слышалось вальяжное пренебрежительное «отойди», и Антон заслонил Макса:

– This is a very beautiful city!⁴⁸

– Ничего не в состоянии сделать в этой жизни! – зло шепнул Антон Максу и оттолкнул его, когда девушки отвернулись. Но широкая голливудская улыбка мигом вернулась на его лицо, когда он замахал девушкам, садящимся в авто-

---

⁴⁶ Where a shuttle bus to Yalta? (англ.), – Откуда отходит автобус на Ялту?

⁴⁷ You are targeting in this area? (англ.) – Вы ориентируетесь в этой местности?

⁴⁸ This is a very beautiful city! (англ.) – Это очень красивый город!

бус.

***

– Ой, кажется, мне здесь все надо! – пищала Цаца от восторга, рассматривая термоноски, кружки, наборы ложек-виллок, перчатки, альпенштоки, щедрыми гирляндами свисавшие со всех сторон.

Магазин снаряжения на улице Железнодорожной в Симферополе знает всякий. Это особое место, приносящее радость каждому туристу. Даже если у тебя все есть, или сейчас ты без лишних денег, наверняка разопрет от восторга.

Цаца бегала между рядами выставленного снаряжения, мимоходом щупая все, что попадалось под руку. У нее был полный комплект необходимых для похода вещей, но она не удержалась и купила все-таки новый водонепроницаемый пакет для документов. Она разыграла сценку, скорее для себя самой, сокрушаясь, что остался только розовый цвет, и, надо же, какая досада, придется брать такой. Потом еще добавила, что в походных условиях важна лишь функциональность: «мы же не костюмеры какие-то». Выходя из магазина, она сжимала в руках вожделенный розовый пакетик. Настроение было прекрасное, Цаца осталась весьма довольна и собой и покупкой. Рядом шла Кнопа и улыбалась, глядя на подругу.

Оставалось пристроить старый экземпляр. Цаца окинула взглядом всех новичков и выбрала погрузневшего, притихшего Макса. Прозрачный белый водонепроницаемый пакетик был вручен ему со словами:

– Возьми, пригодится!

На вопрос: что это? Цаца долго объясняла преимущества сухих документов перед промокшими и раскисшими в кашу. Ей удалось немного развеселить Макса, и она снова осталась довольна собой.

***

– Скучаешь? – Макс присел рядом.

– Не особенно. Голуби меня развлекают. Они садятся на чашу фонтана между гипсовых голубей и замирают. А вон та смешная псина, – Леля махнула рукой в сторону аптеки, около которой увлеченно дожевывала чей-то шлёпанец молодая полуовчарка, – их гоняет. По-моему, у нее нет шансов, ни одна собака не может поймать птицу, но голуби этого не знают.

– Хм... действительно смешная... – Макс задумчиво улыбнулся и закурил.

Часть II. Поход

*Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы
Будут вас кусать,
Бить и обижать, —
Не ходите, дети,
В Африку гулять.
В Африке разбойник,
В Африке злодей,
В Африке ужасный
Бар-ма-лей!
Он бежит по Африке
И кушает детей —
Гадкий, нехороший, жадный Бармалей!*
К. Чуковский «Айболит»

День 1

– О! Боля-Лёля бежит. Что это он такой возбужденный? –
Паша бросил терзать капюшон рюкзака, запихивая туда бу-

тылку воды.

– Может быть, еще одну веревку раздобыл? – съязвила Цаца. Все остальные, кто знал историю о сборах Боли в поход, улыбнулись.

– Я... я... – Боля старался отдышаться, но желание поскорей сообщить новость взяло вверх, – я договорился... Нас отвезут прямо к началу маршрута. Вот... – теперь он согнулся, уперся руками в колени и задышал глубже. – «Газель» стоит на той стороне, за пешеходным переходом...

– Здорово! – прокомментировала Цаца. – Давайте скорее! – и, на ходу закидывая рюкзак, с подскоком, направилась в сторону машины.

– Давайте в «Есть контакт!» поиграем, – предложил Паша, Жанна пискнула от восторга и взяла его под руку.

«Газель» неслась по оживленным улицам Симферополя в сторону моря.

– Итак, я начинаю! – Паша торжественно закинул за плечи концы футбольного фанатского шарфа. – Слово на букву «М».

Пауза была недолгой:

– Это такой зверек, которого змеи боятся, – вступила в бой Кнопа, не особо надеясь на успех своего легкого задания.

Цаца помнила рассказ Кнопки про то, как дети в саду с замиранием дыхания слушали сказку «Рикки-Тикки-Тави», но она не успела крикнуть «Есть контакт!», Паша ее опередил:

– Нет... Это не мангуст – с удовольствием растягивая слова, сказал он.

– Эх, блин! Не удалось. – Цаца поджала губы и тут же засмеялась. – Тогда... тогда это то, что сказала Полумна Лавгуд... когда увидела Гарри Поттера... – Цаца наслаждалась произведенным эффектом, – никто, кроме нее, Вики и Кнопки не читал Джоан Роулинг. – Вернее, это то, что она увидела и поэтому обнаружила его, – Цаца с удовольствием наблюдала за всеобщим возрастающим удивлением, и она не спешила, понимая, что в этом раунде победа за ней. – Причем в книге эта сцена описана иначе, а вот в фильме...

И тут Кнопа не выдержала:

– Есть контакт! – Цаца повернулась к ней.

И уже вместе, наставив друг на друга указательные пальцы, по крещендо выпалили:

– Раз, два, три! МОЗГОШМЫГИ!

Раздался общий смех, даже водитель улыбнулся в зеркале заднего вида, сверкнув золотыми коронками.

– Так нечестно, – шутливо надувая губки, сказала Жанна.

– Все по правилам! – моментально отозвалась Цаца, – книжки читать надо! – и показала ей язык, потом, правда, решила смягчить колкость улыбкой.

– Ну, хорошо, – Паша усиленно делал серьезный вид. – Вторая буква «О».

– Мо... Мо... – Боля подыскивал слова – О! Твоя тетя его любит, – он обращался к Жанне, – а я терпеть не могу.

Паша чуть было не решил, что это о нем речь. Жанна обрадовано закивала:

– Есть контакт!

И уже вместе с Болей они прокричали:

– Есть контакт! Раз, два, три! МОПС!

Веселье набирало обороты, за окнами показалось Перевальное с высокомерным Чатыр-Дагом. Антон сидел рядом с Викой и скептически наблюдал за происходящим. Игра увлекла Макса, хотя он так и не принял в ней участия. После получасового марафона в отгадывания он ощутил непривычную боль в скулах и с удивлением обнаружил, что все это время не прекращал улыбаться, отчего и ломило мышцы. Лёля мирно сидела у окна и делила свое внимание между крымскими пейзажами и расшалившимися друзьями, а в одно ухо, незаметно, скрываемый пшеничным локоном, был вставлен наушник, откуда лился Muse – «Lips are turning blue...»

– Теперь Кнопка! – выкрикнула Цаца.

– Хорошо. Тогда слово, которое очень точно описывало погодно-климатические условия, человеческий фактор и в целом ситуацию, сложившуюся однажды утром на Орта-Сырте.

– Весьма академично, – сказал Боля.

Цаца поняла, что Кнопа обращалась к ней, и отчаянно терла переносицу, чтобы понять, куда клонит подруга.

– Это сказал Индеец? – уточнила Вика. Цаца тут же театрально нахмурилась. Кнопа ободряюще кивнула.

– Тогда я знаю, – сказала Вика. – Есть контакт!

И они уже втроем:

– Раз, два, три! ЖОПА!

Все покатались со смеху и потребовали объяснений.

Этот случай произошел в одном из апрельских походов с Индейцем. Они проснулись в Обезьяньем гроте на Орта-Сырте. Его глубина метров двадцать, грот хорош тем, что при входе имеет поворот, защищающий от ветра даже зимой. Высота около тысячи метров над уровнем моря, в радиусе двадцати километров ни одной души, внизу извиваются русла трех рек. Было промозгло и холодно, все жались у костра и с опаской смотрели на белую зияющую дыру, где должен был красоваться вчерашний шикарный вид на долину. Предстоял длительный перевал, а выход из грота подпирало плотное облако. Невозможно даже было разглядеть дерево у самого входа. И тогда Вика осмелилась поинтересоваться

у Индейца, как-то особенно сосредоточенно подбрасывающего дрова в огонь:

– А что там?

– Там? – он серьезно посмотрел сначала на молоко⁴⁹

---

⁴⁹ Молоко – так походники называют плотное облако, в котором ничего не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.